

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Въ залъ "Уніонъ"
состоится
ДЛЯ ОНОГО СОСТОИТСЯ ТОЛЬКО
ВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ домѣ 6 этажа

Состоится въ Концертномъ Залѣ
КОНЦЕРТЪ Мари́и Ива́новны Долиной
извѣстной артистки.
всѣхъ желающихъ

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (71).

Декабрь. 2008 год.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Продолжается прием
в виртуальные члены Все-
мирного клуба одесситов.
Письма — стр. 2

Что уже затронул эконо-
мический кризис в Одессе —
в статье Инны Кац — стр. 3

Познакомьтесь со
скульптором Георгием
Франгуляном, которому
жюри присудило первое
место на конкурсе проек-
тов памятника И. Бабелю.
Интервью Евгения Голу-
бовского — стр. 4

Одесса как инвести-
ционный проект. Размыш-
ления Олега Губаря — стр. 5

Юбилей Юрия Михайли-
ка. Статья Валентины Го-
лубовской — стр. 7

Рецензия Марии Гуды-
мы на спектакль по пьесе
Игоря Божко "Елка" — стр. 8

Интервью Юрия Егорова,
данное телепрограмме
"Конец века" в 1998 году,
остающееся злободнев-
ным десять лет спустя, —
стр. 12

Возвращение Александ-
ра Ройтбурда в художест-
венную жизнь Одессы.
Статья Михаила Рашко-
вецкого — стр. 13

Два юбилея: студенче-
ского выпуска ОПИ 1958
года, статья Михаила Гауз-
нера — стр. 8; юбилей аме-
риканского одессита Ми-
хаила Маргулиса, статья
Павла Цаудера — стр. 9

Рассказы Бориса Рубло-
ва — стр. 9, Андрея Коми-
саренко — стр. 14, Юрия
Фурманова — стр. 6, Доры
Клиновой — стр. 6

Художник Давид Тихо-
луз в контексте культуры.
Статья Евгения Голубов-
ского — стр. 15

Воспоминания об Эдуар-
де Багрицком и Анатолии
Фиолетове — стр. 7

Памяти Бориса Куклова.
Эссе Веры Зубаревой —
стр. 6

Стихи Алены Щербако-
вой — стр. 16

Столетие со дня рожде-
ния Аркадия Астахова.
Статья Валерия Хаита
и текст монолога для А. Ас-
тахова Георгия Голубенко,
Леонида Сущенко и Вале-
рия Хаита — стр. 16

Семен Крупник и Карина Шрагина в спектакле по пьесе И. Божко "Елка"
Рецензию на спектакль читайте на 10-й стр.

Фото Игоря Божко

Прошу принять меня в виртуальные члены Всемирного клуба одесситов

О себе:

Ян Михайлович Абовский. Из Одессы. Жил в Театральном переулке, а также летом на Фонтане, на ул. Львовской. Живу уже около 20 лет в США, в Балтич-Крике (около Сан-Франциско). Моя жизнь здесь, в США, сложилась непросто, интересно, насыщенно.

Взрослая благополучная дочь, внучка и внук. Друзья, общественная жизнь, различные увлечения, особенно фотография, путешествия. Люблю ездить по стране на машине R11 — так больше успеваешь увидеть. Мой DJ R11 — так зовут моего четвероного друга R11 — всегда со мной. Он разделяет со мной интерес к новым местам и радость познания чего-то нового.

И конечно, собаки R11, немецкие овчарки. Это не просто увлечение R11, это целый мир.

Иногда пишу маленькие рассказы, песни. Профессиональный успех

и удовлетворение меня в этой жизни не покидали, особенно когда работал в медицинской области, участвуя в создании приборов для измерения уровня сахара у диабетиков и в создании программ в области образования, обучения. Создал и свои программы, в том числе поисковую, которую используют несколько больших сайтов.

Мои самые лучшие воспоминания и годы жизни — в Одессе, в школе. Очень надеюсь, что мое стремление, методика обучения, конспектирования помогли вам научиться учиться и применить эти навыки для достижения ваших образовательных целей. Преподаванием, к сожалению, я здесь не занимаюсь, разве что немного для своих. Но эта мечта меня никогда не оставляла.

Надеюсь, что скоро смогу осуществить эту мечту, открыв вспомогательную школу (классы) для разных возрастных групп. Хотелось помочь детям научиться учиться без стрессов!

yanabovskiy@gmail.com

Дорогие одесситы!

Поздравляем вас с Днем рождения нашего любимого города. Пусть мы уехали из него в разные годы по своей или не по своей воле, но большую часть жизни мы провели в нем, а это и годы детства, и годы отрочества и юности, и годы зрелости. По-разному, часто несправедливо, относилось к нам руководство города, но любовь к родной Одессе должна продолжать жить в нас. Когда-нибудь наши дети и внуки, родившиеся за пределами Одессы, спросят нас об отчей земле, захотят посетить город, откуда приехали их предки. Так рассказывайте им о нем! Рассказывайте только хорошее. Ведь и хорошего в вашей жизни было много.

Не отрекайтесь от него. Город не виноват, что в разные годы его возглавляли бездарные люди. Давайте все вместе поможем ему стать в ряду лучших городов мира!

Цвети и процветай, родной наш город!

Тала и Аркадий Трыко,
Нью-Йорк

Дорогой Леня! Мое время в Одессе прошло скажочно, и в какой-то мере это и твоя заслуга. Я даже не знал, что так соскучился по городу. Долой добрался счастливо, но и так не насытился.

Сергей Палозов

Добрый день, Mr. Рукман!

Я со своей семьей приехала в Америку в год, когда ваш клуб был открыт. Хотела бы приехать в Одессу в следующем году, и если это произойдет, я обязательно приду в Клуб.

Всего доброго.

С уважением,

Белла Ефрос-Митснер,
Хьюстон, США

Дорогие друзья! Прожив сорок лет в Одессе, каждый день вспоминаю родной город. Чуть не

ежедневно захожу на сайт ВКО и сайт города, так что в курсе почти всех новостей Одессы. И не могу не быть членом Всемирного клуба одесситов. Прошу принять меня в виртуальные члены клуба, в котором много раз снимал родных земляков вместе с Женей Толубовским для его прекрасной передачи. Как я скучаю за Одессой! Но пока дела, круговорот московская, масса работы не дают возможности приехать в родной город. И так...

Заявление

Прошу принять меня в виртуальные члены Всемирного клуба одесситов.

Вадим Авлошенко
v.avloshenko@mail.ru

Заявление

Как говорил незабвенный отец Федор, не корысти ради, а только волею судьбы, пославшей меня в Германию в город Дрезден, обращаюсь к вашей милости — примите меня, пожалуйста, в члены Всемирного клуба одесситов.

Здесь, в Дрездене, проживает много одесситов. Я подумал, что с вашей помощью смогу организовать регулярные (1-2 раза в месяц) встречи земляков-одесситов. Помещение для встреч нам, вероятно, сможет предоставить Еврейская община при синагоге. Мы смогли бы читать свежие известия из Одессы, следить за игрой "Черноморца",

быть в курсе всей жизни дорогой нам Одессы. Кроме этого, у меня большая коллекция анекдотов, есть хорошие видеофильмы (есть все условия для их просмотра).

Хочу, чтобы мы все стали дружными и, при необходимости, всегда приходили на помощь друг другу. Еще планирую наладить переписку с Клубом одесситов в Берлине.

Уповаю на вашу помощь!

И чтоб вы были нам здоровы.

От имени всех одесситов,

Эмиль Левинсон
emiliy35@mail.ru

После посещения в июне этого года Одессы и Всемирного клуба одесситов Тригорий и Алла Вайсманы вернулись в уже ставший родным Мельбурн и выпустили в эфир три телепередачи о городе своего детства и молодости. Вдохновленные идеей ВКО о создании в Одессе памятника Исааку Бабелю, организовали и провели литературно-музыкальный вечер-концерт, который посетили более 200 человек. Спонсорами концерта были ПТВ "Спутник", ассоциация "Шалом", федерация "Ам-Еха" и Ассоциация бывших узников. Весь доход — 2000 AUD — направлен в Фонд памятника Бабелю. Сбор средств продолжается.

Т. Вайсман,
Мельбурн, Австралия

Здравствуйте, господа. Прошу принять меня в ваш клуб. Я — Белоковский Александр Иосифович, живу в Моррис-Плейнс, США. Родился и вырос в Одессе. 42 года. Финансовый аналитик. Прилагаю фото для удостоверения (я — в очках). Заранее благодарю,

Александр
aleksbel@aol.com

Уважаемый Александр! Поздравляем Вас со вступлением в члены Всемирного клуба одесситов.

Всегда рады видеть Вас лично в клубе и в письмах.

Смотрите сайт нашего с вами клуба www.odessitclub.org.

Дополнительно будем посылать рассылки.

Леонид Рукман,
директор ВКО

P. S. Выполнили Вашу просьбу. Помещаем на членский билет Вашу фотографию, как Вы и просили, где Вы в очках (смотрите приложение).

Здравствуйте, я одесситка в нескольких поколениях. Меня зовут Елена Аркадьевна Брусловская (по мужу Минина). Я архитектор, кандидат архитектуры, преподавала в Одесском строительном, занималась, в том числе, проблемами Одесских катакомб и развитием подземной урбанистики. С 97 года живу и работаю в Израиле. Очень прошу принять меня в виртуальные члены Всемирного клуба одесситов. С благодарностью,

Елена
elena45@zahav.net.il

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Инна КАЦ

КРИЗИС В ОДЕССЕ

Вот и к нам пришел кризис. Неожиданно, как отопительный сезон. Немного подзадержавшись в стольном граде Киеве, добрался и до Одессы. И мантра местного руководства об отсутствии его следов регионе, до боли напоминающая речитатив охранника из детства всеми любимого фильма-сказки "Волшебная лампа Аладдина" — "Спите, жители Багдада, в городе все спокойно!", сменилась прогнозами по поводу пика, сроков и дальнейшего развития ситуации.

Да как же спокойно, когда экономисты уже давно прогнозировали кризис (не может быть все время подъем, когда-нибудь начнется спад), банкиры говорили о том, что сумма выданных потребительских кредитов превышает финансовые возможности банковской системы, а риэлторы — о явно завышенных ценах на недвижимость.

Куда падает недвижимость?

Действительно, в Одессе уже несколько лет мало кто покупал жилье в новостройках "для жизни". В основном, его приобретали или для перепродажи, или как средство вложения денег. Поэтому неудивительно, что банки и рынок недвижимости первые почувствовали влияние неблагоприятных тенденций. Причем они наложилось на начавшееся еще в начале этого года ничем не оправданное падение курса доллара, а в сентябре — столь же неоправданный его рост. Если учесть, что в Одессе предпочитают брать кредиты в валюте первой категории, то заемщики наших банков на курсовой разнице потеряли тысячи долларов. Мой знакомый предприниматель, взявший пару лет назад кредит на 25 лет в швейцарских франках под строительство производственного помещения, в конце 2007 года радостно сообщил, что половину займа уже выплатил. В начале этого года только из-за роста курса франка он оказался должен банку больше, чем в момент оформления кредита.

В такое же положение попали десятки бизнесменов. И все же те, кто взял кредиты под покупку или строительство, оказались в гораздо лучшем положении, чем те, кто арендовал помещение. Арендная плата, по словам риэлторов, в Одессе завышена непомерно. Особенно — в центре города. Сегодня многие, кто из соображений престижа или удобства обосновался там, вынуждены переехать в менее элитные районы.

А небольшие магазины (в основном, торгующие товарами second hand и из категории "Все от 3 до 50 грн.") и кафе закрываются из-за роста цены аренды и одновременно падения спроса на свою продукцию и услуги. Правда, справедливости ради нужно сказать, что вместо них, как грибы после дождя, вырастают новые стоки, кафе, мастерские.

Крупные магазины и дорогие рестораны оказались в гораздо лучшем положении. Очевидно, потому что находятся в собственных помещениях и их не касается колебание арендных ставок. К тому же они живут, в основном, за счет постоянной клиентуры, которая в Одессе лопнет, но будет держать фасон. А значит, одеваться в фирменных бутиках и ходить в дорогие рестораны.

И если предприниматели, взявшие ипотечные кредиты под бизнес-проекты, хоть и жалуются, но в большинстве своем платят, то рядовые одесситы, влезшие в долги для приобретения нового жилья и не рассчитавшие свои возмож-

ности, оказались в гораздо худшем положении. "Рынок наводнен предложениями по продаже недвижимости, приобретенной или построенной за ипотечные кредиты. А спрос на недвижимость упал — из-за того, что у людей нет денег, а платежеспособная часть населения выжидает предельной точки падения цен", — говорит директор агентства недвижимости "Мировая недвижимость" Елена Абрашевская.

Риэлторы прогнозируют, что максимальный спад цен на недвижимость придется на январь-февраль 2009 года, а затем ситуация стабилизируется. Что же касается аренды, то здесь падение спроса не предвидится.

Банковские страдания

Проблемы же банковской системы прямо связаны с проблемами на рынке недвижимости. По неофициальным данным, население не вернуло банкам 60 процентов ипотечных кредитов. В октябре началось уменьшение как кредитного, так и депозитного портфелей бан-

приятия, сделав его разменной пешкой в своих играх с Россией и беспрепятственно пустив на наш рынок российские канаты по демпинговым ценам.

И другие пострадавшие лица...

Пострадали от кризиса и те, кто не зарабатывал деньги самостоятельно, а зависел от финансирования зарубежных спонсоров или крупных партийных и финансово-промышленных групп. Так, резко сократилось финансирование двух еврейских общин. Община "Ор Самеах" вынуждена была сократить образовательные программы и закрыть свою газету "Тиква" и телевизионную программу. Община "Хабад" пострадала меньше. Все ограничилось продажей здания в жилом массиве Таирова, где размещались одновременно синагога, школа и детский сад. Да сокращением объема газеты "Шомрей Шабос".

С начала осени в Одессе закрылось региональное представительство

минимума. А средний ее размер увеличился в течение года с 708 до 841 грн., или со 118 до 140 долл.

Однако, по данным центра социологических исследований "Пульс", официальный прожиточный минимум в октябре был в 1,6 раза меньше его фактической стоимости.

А я вот думаю...

А что думают о ситуации одесские чиновники и бизнесмены?

"В Одессе начнутся проблемы к концу декабря. Пока мы наблюдаем прирост промышленного производства в регионе", — отметил губернатор Одесской области Николай Сердюк.

"Кризис? Его в Одессе нет. Да, закрываются промышленные предприятия, но этот процесс начался не вчера. И на каждое закрывшееся промышленное предприятие приходится десятки зарегистрированных предприятий малого и среднего бизнеса. Каждый хочет выжить и ищет способы укорениться. Желающих открыть свою фирму меньше не стало", — уверяет исполняющий обязанности главы городского управления экономики Евгений Зубенко.

Фото Евгения Волокина

ковской системы региона. А доля проблемных займов с начала года возросла на 0,3 процентных пункта. "Это еще не кризис, но ситуация довольно тяжелая", — считает глава Одесского областного управления Нацбанка Михаил Азаров. Правда, по его данным, самостоятельные банки Одессы смогли удержать ситуацию и вышли в октябре "по нулям" — без прироста, но и без особых потерь. Очевидно, у местных финучреждений есть возможность вести более гибкую политику, реагируя на ситуацию в городе быстрее, чем это делают филиалы системных банков из других регионов. Молодцом держится и представительства финансовых учреждений, принадлежащих зарубежным банкам. В основном, благодаря траншам от "материнских" компаний.

Люди гибнут за металл

Но наиболее пострадавшей от кризиса отраслью стала металлургия. В Одесской области остановились на неопределенное время два металлургических предприятия, серьезные проблемы у старейшего предприятия Одессы — завода "Стальканат".

С одной стороны, у такой ситуации вполне объективные причины, связанные с мировой конъюнктурой. С другой, не стоит забывать, что проблемы на "Стальканате" начались не этой осенью. И что правительство элементарно сдало пред-

во "Газеты 24" (финансируется Валерием Коновалюком, Партия зеленых). Кроме того, журнал "Статус" (принадлежит ФПГ "Индустриальный союз Донбасса") свернул региональный проект. "И это только начало", — прогнозируют некоторые. Вместе с тем в городе открываются новые издания. В основном — электронные. Так, владелец одесского "СоцКомбанка" Владимир Галантерник запустил в дополнение к своему телеканалу GTV сайт GNews.

Порты "Большой Одессы" пока влияние кризиса не почувствовали. Так, в октябре Одесский порт перевалил грузов на 21,6% больше, чем годом ранее, а Ильичевский — на 25% увеличил объемы перевалки.

Вместе с тем портовики озабочены снижением объемов перевалки металлов, начавшимся еще летом. В Одесском порту зарегистрирован 10-летний абсолютный минимум объемов перевалки металла — 29 вагонов за сутки при мощности более 400 вагонов. Ее доля в грузообороте порта составляла ранее 25-30%.

Та же тенденция наметилась и в Ильичевском порту.

При этом руководители портов затрудняются сказать, за счет каких грузов они перекроют потери. Из-за кризиса на рынке металла и обострившейся конкуренции портов за транзитные грузы долгосрочное планирование невозможно, отмечают портовики.

Руководство управления Пенсионного фонда Украины в Одесской области уверяет, что ни один пенсионер в Одесском регионе не получает пенсию ниже прожиточного

"Конечно, кризис чувствуется. Я бы вообще людям, которые сегодня покупают землю, медаль давала", — заявила его коллега, руководитель управления земельных ресурсов одесского горсовета Елена Тютюнник после земельных торгов.

"Сегодня большинство статей, касающихся рынка недвижимости в Украине, пестрят словами "обвал", "стагнация", "кризис" и тому подобное. На самом деле ничего страшного на рынке не происходит. Кризис, не будем отрицать, очевиден. Он есть. Но в этом ничего страшного нет. То есть кризис — это перестройка рынка, это уход с рынка случайных на нем людей. Вы понимаете, что рынок был искусственно подогрет: с одной стороны — спекулянтами, с другой — льготной ипотечной политикой банков. Сегодня недвижимость начинают покупать люди, которые действительно в ней нуждаются, и на этих людей мы должны ориентироваться. Сейчас вкладывать в элитные дома или квартиры нет смысла, потому что в дальнейшем продать их будет весьма сложно. Строителям сейчас, понятно, нужно делать упор на жилье эконом-класса", — считает председатель Одесского отделения Ассоциации специалистов по недвижимости Украины Игорь Ефремов.

"Экономический кризис на нормальных умных бизнесменов не должен никак повлиять. Ситуация была просчитана, было ясно, что рано или поздно этот момент бы наступил. Кризис не касается наличных денег, которые были заработаны честным

непосильным трудом. Упали в цене фонды, стоимость предприятий, ранее искусственно, спекулятивно поднятая, сегодня приобрела более-менее реальную стоимость.

В кризисе все видят негатив, а я вижу много положительного. Это такая встряска для экономики. Он должен наших предпринимателей научить просчитывать наперед. К сожалению, мало кто творчески подходит к бизнесу. Больше работают по формуле "Три П" — "Палец, пол, потолок".

Рынок все время в движении. Если оно стабильное, с одной скоростью, деньги заработать очень сложно. На рынке деньги зарабатывают при встрясках — или во время бурного подъема, или во время бурного падения. Те же биржи, покупатели ценных бумаг, крупные международные компании, финансовые структуры мало что теряют. Да, у них на какое-то время уменьшился поток. Но все вернется на свое место. Да, экспертная стоимость упала, но предприятие осталось, оно работало и будет работать.

Как предприниматель я кризиса не чувствую. Это хорошая школа", — говорит частный предприниматель Эдуард Каражия.

"Мировой финансовый кризис не породил ситуацию в Украине, а обострил ее. Заметьте, никто не апеллирует к владельцам и руководителям остановившихся предприятий, никто не вытаскивает их на свет, не спрашивает, что они собираются делать в этой ситуации. Все апеллируют исключительно к правительству. Это не случайно. В Украине начали трести копилку под названием "государственный бюджет".

Вместе с тем, если мы говорим о спаде, то нужно понимать, что потеря части прибыли — это не потеря всей прибыли. Если рентабельность строительной отрасли исчислялась сотнями процентов, то теперь она приняла разумные пределы. Да, цены на недвижимость упали, но себе в убыток никто не продает.

Думаю, разговоры о размерах кризиса у нас сильно раздуты. И делается это для того, чтобы дискредитировать правительство. А руководство страны не в состоянии провести мероприятия по выводу Украины из сложившейся ситуации. Все, на что у нас способны, — это стабилизационные меры. Надо признать, у нас очень низкий уровень менеджмента.

Одесская область считается регионом с хорошими перспективами. Хотя ситуация у нас очень зависит от ситуации в стране в целом", — считает доктор экономических наук Николай Шутов.

И в заключение — несколько цифр, которые позволяют более-менее объективно судить об экономической ситуации в городе.

В октябре индекс делового оптимизма упал по сравнению с сентябрем на 7,4 процентных пункта. Между тем такое снижение характерно для октября после сентябрьского подъема деловой активности.

Количество купленных населением легковых машин в октябре выросло на 20-30 процентов (в зависимости от категории автомобиля). А рост числа покупок грузовиков достиг 60 процентов.

Темп роста количества вакансий в городе на 35 процентов превысил темп роста числа безработных. Причем нуждаются одесские работодатели, в основном, в высококвалифицированных рабочих и инженерно-техническом персонале.

О массовых увольнениях в городе речь не идет. Даже те предприятия, которые сегодня работают с неполной загрузкой, идут на то, чтобы сократить рабочий день, отправить работников в неоплачиваемый отпуск, но не увольнять. Все понимают — кризис не вечен. Вскоре начнется подъем, и надо будет где-то искать новых сотрудников.

Жизнь продолжается.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

ОБОСТРЕННОЕ ЧУВСТВО ТАКТА

РАЗГОВОР СО СКУЛЬПТОРОМ ГЕОРГИЕМ ФРАНГУЛЯНОМ

В международном конкурсе на создание памятника И. Бабелю в Одессе принял участие московский скульптор Георгий Вартанович Франгулян. Я мог бы сказать — тбилисский скульптор, поскольку детство и юность мастера прошли в Тбилиси. Я мог бы сказать — армянский скульптор, — и это тоже правда. Но Георгий Франгулян сегодня — человек, отвечающий на вызовы мирового искусства, думаю, ему тесно в любой национальной квартире. Достаточно вспомнить, где установлены его монументальные скульптуры.

Памятник Петру Первому в Антверпене, Александру Пушкину в Брюсселе, "Ладыя Данте" в Венеции, императрице Елизавете в Балтийске, в Москве — Святославу Рихтеру, Борису Ельцину, Араму Хачатуряну, Булату Окуджаве на Арбате, Иосифу Бродскому, который будет установлен в районе американского посольства.

Это монументальные работы, а на выставке в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, где Георгий Франгулян как бы частично воссоздал свою мастерскую, был блистательный ряд его камерных скульптур, восходящих к античным образцам, но осмысленных в XXI веке как "новая античность", картины маслом (скульптора манит цвет), рисунки... Кстати, персональные выставки проходили и в Италии, и во Франции, и в Бельгии, далее — везде...

Два дня пробыл в этот раз Георгий Франгулян в Одессе. И мне показалось, что необходимо познакомиться с одесситами, где бы они сейчас жили, с мастером, который с детства влюблен в наш город.

— Георгий Вартанович, давайте начнем нашу беседу в лоб: что такое, по вашему мнению, хороший скульптор?

— Во-первых, это большая редкость. Увы, это не то, чему обучают в институте. Это овладение языком, видением не предмета, а пространства. Я мало с кем могу говорить из тех, кто окончил скульптурное отделение, на одном языке. Мне кажется, что и я только овладеваю этим языком, так что не до того, чтобы почивать на лаврах. Слишком сложные задачи должен в работе решать хороший скульптор, он должен быть архитектором, живописцем, графиком. И в результате — скульптором. Ведь приходится работать в пространстве. Сама ситуация диктует тебе выбор стиля, манеры, а значит,

пластическое решение. Скульптор должен тактично выступить на фоне существующей, не им созданной среды. Следовательно, должно быть обостренное чувство такта. И все это естественно для хорошего скульптора.

— Мешает ли "литературность" сюжетов монументальной скульптуре? В какой мере она должна "рассказывать", в какой — "показывать"?

— В монументальной скульптуре литературность должна быть. Но языком пластики я должен суметь передать идею. И этот язык должен быть прочитан зрителем без слов. На языке чувств. Не сюжет должен довести, а тема. Образ, созданный мной, метафора, должны восприниматься зрителем естественно, как не требующие литературного объяснения.

Даже в античном искусстве преобладает композиционное воздействие на человека. Кстати, как и музыка, даже если она написана программно, все равно действует, прежде всего, на чувства. Скульптор должен обуздать сюжет, как мусанга. Это очень сложная задача. Нужно владеть языком символов...

— Вы упомянули античную скульптуру. А с кем из мастеров прошлого — от Фидия до Генри Мура — вы ведете тайный диалог в своей мастерской?

— Более 45 лет я занимаюсь своей профессией. Был период постижения, который и сейчас продолжается. Но уже не как ученик с учителями, общаюсь с великими. Недавно в Риме я смотрел на статуи работы Микеланджело. Смотрел не со слепым восхищением, как в молодости, а осозная, как достигнут результат, более того, поймал себя на мысли, что замечаю просчеты гения. И тут я подумал, что вошел в мировой цех скульпторов. Каждый должен осознать: или нужно все бросить, или стать звеном истории искусства. Это и есть миссия настоящего художника. Иначе это не искусство, а ремесло.

— А теперь вопрос более конкретный. Как у вас рождается замысел той или иной монументальной скульптуры?

— Вначале возникает предложение что-то сделать. А затем — у меня, во всяком случае, — огромная концентрация мысли, чувств, переживаний. И начинают появляться образные решения, точность видения. Я могу сравнить это с тем, что называют озарением. Кстати, это один из самых счастливых миг

в работе скульптора. Потом ощущаю среду, думаю, как соприкоснуться с ней, как вписаться в нее. Скульптура — не предмет. Это решение пространственной задачи. Ты лепишь пространство, создаешь новое пространство — это все скульптура. Кстати, хорошие архитекторы — всегда скульпторы. Зимний дворец — это скульптура, весь Гауди — это скульптура. Это оркестр объемов.

— Замысел возник. В какой степени заказчик мешает или помогает? Были ли сложности с памятником Б.Н. Ельцину и его семьей?

— Признаться, чаще всего мне везет. Более комфортно, чем в работе над памятником Б. Ельцину, я себя редко чувствовал. Мне позвонили, объяснили, что и семья, и правительство хотели бы, чтобы я сделал надгробие Борису Николаевичу. Я спросил, есть ли какие-нибудь ограничения, пожелания. Никаких! И тогда, посмотрев пространство, учитывая, что недалеко памятник Э. Неизвестного на могиле Н.С. Хрущева, я нашел образ, который меня устраивал. Никакого портрета, никаких украшений. На могилу наброшен триколор — российский флаг. Здесь работает цвет, византийская мозаика. Когда родные увидели проект, первым ощущением Татьяны Борисовны и Наины Иосифовны был шок! Но они поверили в то, что это образ куда более значимый, чем

Ельцин на танке. Затем меня поддержал В.В. Путин. Так что заказчики становятся друзьями.

— Взаимоотношения художника и власти...

— Всю жизнь я ощущал себя независимым человеком. Гордым человеком. Не раз говорю интервьюерам: я самодостаточен. Свои убеждения ни с кем не обсуждаю, мой художественный мир не зависит от власти. Я это знаю, и власть уже это знает.

— Что для вас Одесса и что для вас Бабель?

— Одесса — город, очень близкий по духу Тбилиси. Масштаб города, его дворы, любимые мной планеты. Впервые я увидел Одессу, когда мне было шесть лет. И первое впечатление не замутилось. Я пронес его сквозь годы, хоть бывал здесь много раз. И сейчас у меня в Москве на стене висят картины одесских художников. Я не коллекционер. Но "Апостол" Александра Ройтбурда и "Армения" Сергея Лыкова стали частью моего мира. Когда я их покупал у них, этих молодых ребят еще толком никто не знал. Но, видите, не ошибся. Для меня Одесса — это концентрация радости. Тут и мягкость человеческой среды, и плотность воздуха, и добрый запах жилища.

Бабеля я начал читать еще в школьные годы. Конечно, тогда не задумывался над его судьбой. Я просто упивался красками его мира. Сейчас читаю иначе — по несколько страниц, его нельзя читать залпом. Это как выдержанное вино. Не расплескать все чувства. Естественно, в зрелом возрасте я понял, что Бабель — фигура трагическая. Как он ни выглядел внешне, но наедине с собой он не мог быть благополучным. Конечно, он ощущал, что система его давит и может раздавить. Поэтому писал "в стол", для денег пробаблялся кинопроизводством, журналистикой. Но и то, что создано после "Конармии" и "Одесских рассказов", — литература высокой пробы.

— Оглядываясь назад, какие из своих монументальных скульптур вы оцениваете выше, какими менее довольны?

— Я не люблю оглядываться назад. Возможно, из трусости. Конечно же, боюсь увидеть недостатки. Но умею смотреть на себя со стороны. Иногда радоваться — как мне такое удалось, иногда огорчаться — как же я мог не заметить... Но в целом для меня важно то, что впереди. И поэтому вершину я определил одну — историю искусств. Для меня неважно стилистически, какое течение — "архаика" или "кубизм", ка-

кой жанр. Для меня важнее всего — целесообразность и такт. Если это есть, значит, все в порядке.

— Раз для вас важнее всего, что впереди, так действительно, что впереди, Георгий Вартанович?

— Должен довести до конца работу над памятником Иосифу Бродскому, установить его. Работа над памятником Исааку Бабелю только начата. В моей жизни всегда два праздничных мгновения: когда придумываешь и когда осуществляешь. Может быть, это будет одна из последних монументальных работ. Меня все больше увлекают камерные скульптуры. Начал делать работы из стекла, много рисую. Какое это счастье, когда в этот же день перед тобой законченная работа!

И все чаще вспоминаю слова, услышанные мной в Равенне. Я для одной старинной базилики делал распятие. Приехал кардинал, духовные лица. Они долго заседали. Затем ко мне вышел кардинал и сказал: "Сын мой, это прекрасное произведение искусства, духа и веры". Как это важно, чтобы во всем, что делаешь, была гармония! И с миром, и с самим собой.

Фигура А. Пушкина

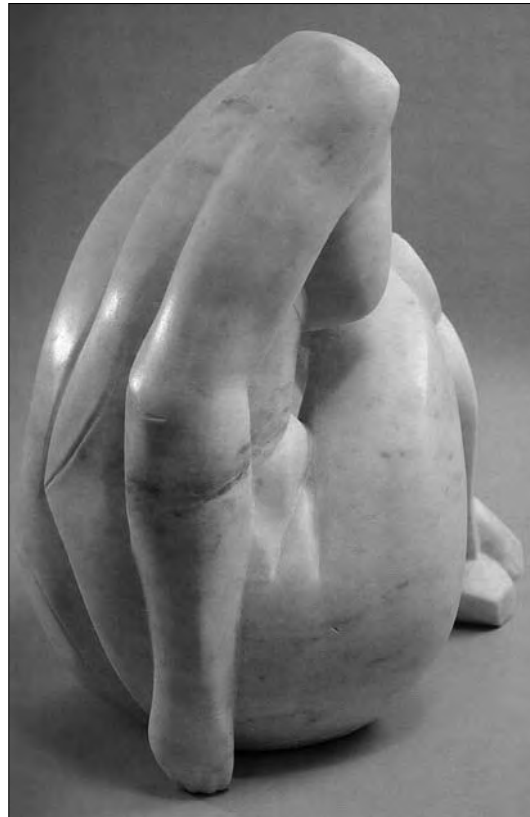
Фигура Иосифа Бродского (фрагмент памятника поэту)

Девочка с длинными волосами

Торс

Композиция

ОЛЕГ ГУБАРЬ

КАК ИНВЕСТИРОВАЛСЯ
«ОДЕССКИЙ ПРОЕКТ»?

Следующий тезис, возможно, представляется несколько экстравагантным, однако Одесса — типичный инвестиционный проект. Разумеется, ретроспективный. Но перед глазами есть и вполне современные: к примеру, порты Ильичевск и Южный — тоже возникшие практически на голом месте и стремительно сформировавшие собственные мощные инфраструктуры.

Задачи, конечно, ставились разные по функциональности и масштабности, но суть от этого несколько не меняется. В конце XVIII столетия обстоятельства сложились таким образом, что в Северо-Западном Причерноморье настоятельно требовалось устроить перевалочную базу для сельскохозяйственной продукции, следовавшей из только что отошедшего к России польского Подолья. Прежде она уходила в порты Балтии, и "всемирный перевозчик", Англия, фактически занимался реэкспортом российских товаров. Третья четверть XX века — естественно, совершенно иная эпоха. Тем не менее, устройство "тематических портов" (химического, контейнерного, пассажирского и проч.) — задача аналогичная: только солидные инвестиции могут дать соответствующий "подъем". Тривиально, но действительно во все времена.

Как известно, дальновидная императрица предусмотрела параллельное строительство военного и купеческого портов в нарождающейся Одессе, о чем и говорится в известном указе 1794 года. Для активного привлечения материальных и гуманитарных ресурсов к устройству города и порта были задействованы не только прямые, бюджетные, но и, так сказать, косвенные, опосредованные инвестиции. Так, например, первопоселенцы освобождались от рекрутского набора, постоя войск, ряда податей, места под застройку отводились безвозмездно, с единственным условием возвести дом в оговоренный срок. Для успешного заселения края на льготных условиях приглашались иностранцы, получавшие обширные земельные наделы, ссуды, готовые домостроения и т. д.

Приведем ряд наглядных примеров, рельефно иллюстрирующих, как именно регулировалась и стимулировалась деловая и финансовая активность в Одессе и крае центральной, региональной и местной властью.

Каким образом укоренить людей зажиточных, деловых, профессиональных, цивилизованных в весьма и весьма неблагоприятном, некомфортном месте, как сделать их полноценными гражданами? А юная Одесса была именно такой: безводной, пыльной, опасной в инженерно-геологическом, эпидемиологическом и военном отношении, лишённой строительных материалов, топлива и т. п. О каком местном патриотизме, казалось, могла идти речь? В решении этой проблемы де Ришелье без преувеличения вложил всю свою душу. Помимо императорских льгот, он непрестанно изобретал и внедрял свои, эксклюзивные. Самым главным шагом его было инвестирование приватного жилого и промышленного строительства на фоне улучшения порта, карантина и в целом всего того, что относится к морской торговле, улучшение экологии (создание зеленых зон и искусственных поверхностных водоемов).

В 1806 году герцог Ришелье с санкции монарха позаимствовал 50 тысяч рублей из Херсонского

приказа общественного призрения из суммы в 100 тысяч, отпущенной тамошним жителям на сооружение мелких коммерческих судов. Кредиты от 400 до 2000 рублей (колоссальные, прямо скажем, деньги на тот период) сроком до двух лет получили 29 исправных застройщиков, среди которых находим авторитетнейших одесских граждан: купцов Якова Протасова и Ивана Амвросио, подполковника Аркудинского, коллежского асессора Капниста, дворянина Федора Флогая, надворного советника Шемиота, протоиерея Греческой церкви Пулакия, лидера греческой общины Ивана Дестуни и др. Ссуды выдавались по минимальной ставке: под 6% годовых плюс 1% от этих процентов — на улучшение городского пожарного инвентаря.

Подобное инвестирование осуществлялось не только в массовом, но и в индивидуальном порядке, из сумм, находившихся в распоряжении Одесского строительного комитета. Так в 1812 году старший мастер немецкого происхождения Эппер получил ссуду в 500 рублей на окончание дома, в уважение того, что он "хороший мастер, трудолюбив и доброго поведения". В том же году кредит в 1500 рублей для строительства кафельного завода получил иностранец Янсон. Можно привести много таких примеров. В результате в молодой Одессе закреплялись солидные коммерсанты, умелые ремесленники, крупные землевладельцы-дворяне, росла ее финансовая мощь.

Явление на одесском театре состоятельных граждан привело к формированию кредитно-денежного рынка в облике меняльных лавок, банков, страховых обществ, морских коммерческих контор. В 1806 году основано Императорское страховое общество (Camera imperiale delle assicurazioni) — преимущественно французскими и отчасти итальянскими предпринимателями. В него вошли и греческие негодичанты, склонные к, скажем так, идеологическому плагиату. Спустя короткое время, увидев, что дело прибыльное, они предумышленно поссорились с французами и организовали свое, альтернативное, Греко-российское страховое общество — в 1808 году. У истоков первого стояли небезызвестные граждане Сикар, Рено, Сен-При и, вероятно, Шансиньон, Лесар, Велари. Вторым руководили тоже популярные в Одессе фигуры: Иоанн Дестуни, Феодор Серафино и Иоанн Петало.

Обе эти компании занимались, в основном, морским страхованием и в меньшей степени — универсальными кредитно-банковскими операциями, поскольку первая попытка Дюка устроить местный заемный банк не увенчалась успехом. Следует уточнить, что в течение ряда лет одеситы и их морские коммерческие конторы далеко не всегда являлись судовладельцами, а по большей части фрахтовали транспортные средства, ходившие под австрийским, турецким, сардинским, английским, французским и прочими флагами. Иначе говоря, транспортирование грузов осуществлялось опосредованно, через несколько промежуточных инстанций, что усиливало значимость страхования рисков.

Третье по счету страховое общество в Одессе возникло в 1813-1814 годах и называлось Компания греков-страхователей. Возглавляла ее солидные предприниматели Иоанн Амвросио, Илия Манесис и Сергей Ксидиас (на ум тотчас приходят персонажи "Интервенции" Льва Славина — семейка банкиров Ксидиас; реально Банкирский дом

И. Ксидиас в Одессе был довольно авторитетным в 1910-е годы). Прибыль этого сообщества, как и прежних, составляла 10% — то была плата за услуги страхователей. Однако вся эта прибыль шла исключительно на благотворительность — финансирование греческой школы и больницы в Одессе! Другими словами, страховое общество инвестировало гуманитарную сферу.

До рубежа 1870-1880-х годов основными страхователями в Одессе были преимущественно представители купечества, отделения, агентства крупных российских и зарубежных страховых обществ и компаний. Они выполняли функции кредитно-банковского, транспортного и страхового учреждения, а сверх того — коммерческой (комиссионной) конторы. То есть помимо банков город инвестировали многочисленные страхователи-монстры со всех континентов, в том числе: "Жизнь" (с 1835 по 1912-й выплатило страхователям 65,5 млн. руб. компенсации!), "Помощь", "Волга", "Русь", "Урбэн", "Нью-Йорк", "Ллойд", "Эквиветаль", "Якорь" и др. Кроме того, функционировали и местные страховые фирмы: Одесское общество взаимного страхования от огня, Черноморское общество взаимного страхования судовладельцев и др.

Самый первый частный коммерческий банк в Одессе создан французским коммерсантом Фурнье и ливорнским банкиром Жомом. Так сказать, традиционное "франко-итальянское производство". Начало его деятельности относится к 1 ноября 1801 года. Стартовый капитал этого учреждения простирался до 300 тысяч французских ливров. Следом, в середине 1800-х, свой банк формирует близкий к де Ришелье сотрудник барон Жан Рено, пушкинский знакомец, владелец дома, где проходили биржевые собрания, казначей Строительного комитета. Рено и его компаньоны беспрестанно и надолго ссужали город солидными суммами, причем на весьма льготных условиях (6% годовых), способствуя тем самым стремительному росту Одессы.

Предтечей конторы государственного банка в Одессе была созданная Ришелье Променная контора (23 февраля 1804 года) с капиталом в 100 тысяч рублей медною монетою. А создана была эта структура по той причине, что во всем крае остро ощущалась нехватка в разменной монете. Доходило до трагикомического: нечем было выплачивать жалованье солдатам и офицерам, что приводило к нежелательным последствиям; при закладке "крутых" домостроений едва находилась монета, каковые традиционно подкладывали под углы новостройки, чтобы дом "хорошо стоял". После 1806-го контора помещалась в одном из домов, приобретенных у Феликса де Рибаса, — на Дерибасовской: позднее здесь построен дом, в котором теперь ресторан "Гудини".

Контора государственного коммерческого банка открылась уже при преемнике Ришелье, графе А.Ф. Ланжероне, в 1819-1820 годах. А реально начала действовать, вероятно, только в 1823-м. Изначально под эту контору был выделен другой дом, приобретенный городом у Феликса де Рибаса, младшего брата основателя Одессы. Это тот самый дом по улице Дерибасовской, у Городского сада, где прежде располагался магазин "Медника" — одно из старейших зданий в городе, построенное не позднее 1797 года. Затем контору перенесли на улицу, вскоре получившую название Почтовой. Рядом с банком устроен мост Новикова.

Авторитетные частные банки. Прежде всего, банкирский дом Ф.П. Родоканакис (основан в 1816 году), который кредитовал хлебный экспорт, питавший город и прилегающие регионы. Далее — банкирские дома А. Тработти (1833 г.), Ф. Рафаловича (1833 г.), А. Мааса (1838 г.) и др. Особо — о банкирском доме братьев Штиглиц, сыгравших столь видную роль в кредитном и банковском деле России в целом, инвестировавших целый ряд важных отраслей.

Штиглицы — уроженцы германского княжества Вальдек. Николай основал торговый дом в Петербурге, а Бернгард сделался крупнейшим откупщиком в Приднестровье. С Одессой связаны оба, но в большей степени — третий брат, Людвиг, прибывший в Россию в 1803 году и унаследовавший дело Николая. Этот третий Штиглиц особенно преуспел в конце 1800-х годов, когда Одесса стала важнейшим пунктом транзитной торговли в ходе так называемой "континентальной блокады Англии", и когда имя юного города прозвучало на весь мир. Этот Штиглиц был одним из крупнейших банкиров Европы — именно он организовал государственный заем в 50 млн. серебряных рублей под прокладку "чугунки" из Петербурга в Москву.

Крупные банкирские дома Одессы. М. и Е. Ашкенази, А.М. Бродского, М.И. Ефрусси, Э. Мааса, Ф. Маврокордато, Ф.И. Петрококино, О.С. Хаиса и ряд других. Так, Ефрусси, Рафаловичи и Родоканакис входили в число пайщиков известных золотопромышленных товариществ империи — Забайкальского, Иннокентьевского, Ленского. Маврокордато был одним из основателей Санкт-Петербургского международного коммерческого банка. Филиалы многих из упомянутых банковских домов исправили функционировали в европейских столицах.

Другие частные кредитные учреждения. Земский банк Херсонской губернии, основан в 1864-1865 гг. Как бы компенсировал издержки, понесенные землевладельцами после реформы 1861 года, предоставив им кредитов на 170 млн. рублей. Банк выдавал ссуды под 4,5% закладными листами на 38,5 лет. С учетом погашения и расходов по управлению, процентная ставка составляла менее 6%.

Первое городское кредитное общество (вспомним старика Фунта!) открыто в 1868 году. По существу, оно с самого начала было банком и производило операции по учету векселей и соло-векселей, обеспеченных недвижимостью или товаром, выдаче ссуд под векселя и процентные бумаги, переводу денег внутри империи, приему векселей на инкассо и др.

На рубеже 1871-1872 гг. открыто также Одесское городское кредитное общество. С разрешения министерства финансов облигации этого общества подлежали приему под залог по казенным подьядам и поставкам. Одесская контора госбанка обязывалась выдавать ссуды под залог этих облигаций в размере 65% от их номинальной стоимости, а коммерческие банки согласились выдавать ссуды даже под 80%. По выпускаемым облигациям выплачивались дивиденды — 4,5% годовых. Что касается ссуд, то они выдавались: на 30,5 лет — под 6% и на 37,5 лет — под 5,5%.

В числе акционерных банков, пользовавшихся безупречной репутацией, назовем Бессарабско-Таврический (основан 30 октября 1872 г.), выдававший долгосрочные ссуды под залог земель (на 61 год 8 месяцев, 51 год 9 месяцев, 48 лет 8 ме-

сяцев) и городское недвижимое имущество (29 лет 9 месяцев и 19 лет 11 месяцев). Хорошо зарекомендовали себя и Одесский учетный банк (основан в 1879 г.), Торгово-промышленный банк (основан в 1889 г.), преобразованный в 1893 году в отделение Русского внешне-торгового, Южнорусский промышленный банк (основан в 1897 г.), отделение Лодзинского купеческого банка (основан в 1899 г.), Крестьянский поземельный и другие.

Отдельная тема — Одесское отделение Лионского кредита (основано в 1891 г.), капитал которого составлял 2,5 млрд. франков. Это еще одно общее поле одесского и международного денежных рынков. Располагался Лионский кредит в доме известной фирмы Беллино-Коммерель, на углу Ланжероновской и Ришельевской.

Анализируя хронику кредитно-банковского и страхового дела, мы видим, что Одесса в значительной степени инвестировалась частным капиталом, на отдельных этапах преимущественно иностранным. Причем власти всячески способствовали привлечению этого капитала, создавая условия наибольшего благоприятствования. Так, неоспоримым достижением Одессы стало устройство в городе уникальной институции — первого в империи коммерческого суда (1808 г.), в частности, занимавшегося урегулированием любых вопросов, связанных с кредитованием, сделками, уставными нарушениями финансовых структур и проч.

Отдельная тема — Одесская товарная биржа, основанная даже раньше Нью-Йоркской, в октябре 1796 года, то есть буквально в дни младенчества города!

Неоценима заслуга краевой администрации по инвестированию (государственному и частному) парового судоходства, включая судостроение. Срочное (регулярное) пароходное сообщение открыл в июле 1828 года построенный в Николаеве пароход "Одесса" рейсами Одесса — Крым, которые становятся регулярными собственно с 1835 года. 1831 год: установлено регулярное пароходное сообщение Одессы со Стамбулом. 1833 год: учреждается Черноморское акционерное общество пароходства. 1843 год: основана Экспедиция постоянных пароходных сообщений, предтеча РОПит. С лета 1846 года установлено постоянное сообщение между Одессой и русскими дунайскими портами. В 1856-1857 годах сформировано Русское общество пароходства и торговли (РОПит). 1878 год: создан Добровольный флот, сыгравший огромную роль в морской торговле с Китаем через Суэц. 1883 год: основана Пароходная компания князя Юрия Гагарина (с 1885 года — Черноморско-Дунайское общество).

Следует отметить, что перечисленные и другие (Трапани, "Русский Ллойд" и проч.) пароходные общества и компании также нередко выполняли функции страховых и кредитно-банковских учреждений, поддерживали многочисленные инвестиционные проекты. Так, РОПит выдавал, например, ссуды под залог вывозимого через одесский порт зерна. К слову, о вывозе зерна. Крупнейшими инвесторами города и региона были такие мощнейшие фирмы-экспортеры, как, например, "Дрейфус и К°".

Частный капитал издавна привлекался в разных областях благоустройства. Так, еще в 1829 году сформировано Одесское общество искусственных минеральных вод — по существу, первое крупное акционерное общество в городе. Несколько лет спустя возникло АО, инвестировавшее чрезвычайно важные для Одессы и края гидрогеологические изыскания — бурение артезианских скважин. Предприниматель-канатчик Новиков со товарищи частично финансировал строительство моста по Почтовой улице. Горожане вскладчину строили общественные колодцы, цистерны, водопой, высаживали зеленые насаждения и др. Любый подрядчик, исполнявший муниципальный заказ, сперва вкладывал в дело свой собственный капитал, то есть, по существу, тоже был инвестором.

Вера ЗУБАРЕВА СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ БОРИСА КУКЛОВА

— Ты меня любишь?
— Да, да, я люблю тебя, Боренька.
— А я тебя обожаю.

Я слышу этот диалог спустя многие месяцы после кончины Бориса, и я буду слышать его всегда, сколько буду сама жить и любить. Его голос — утасаживающий, его голос — упасающий, и оба — бесконечно любящие. Энергия любви и отчаяния пронизывает молнией, насквозь прожигая телефонную трубку. Скоро им предстоит Разлука, и надежды нет, и оба они знают об этом. Последние недели, дни, часы вместе... "Мы с тобой два берега у одной реки", — вдруг вспыхивает в памяти... Река жизни разливаается, ширится, я слышу ее беспощадное бурление в трубке, оно заглушает его голос, который звучит все дальше и дальше, чтобы скоро — совсем скоро! — унести с последним водоворотом.

Он — врач, он знает, что последует за чем, что нужно перенести, и как все будет замирать. Главной его задачей в эти последние дни было

не тревожить никого. Это было правилом его жизни — отдавать себя безраздельно, и при этом ничего не просить взамен, никого не беспокоить, никому не доставлять неудобства. Мы между собой называли его ангелом за необыкновенную жертвенность, доброту и терпение. Но только испытание последними муками открыло, насколько он был неподдельным в своей святости. Ни жалоб, ни стон, лишь короткий вопрос: "Ты любишь меня?". Наверное, боль отступает перед этим. Наверное, и смерть отступает перед этим. Когда от тела не остается почти ничего, понимаешь грандиозность души.

Меня всегда поражало, как он смотрел на Лену, когда она выходила на сцену. Мир переставал существовать для него, — он был полностью погружен и растворен в действо, которое превращалось для него в священнодействие. Она была для него жрицей перевоплощения или, правильнее сказать, — воплощения. Как медиум, она вызывала к жизни лица и голоса, которые

словно ждали ее, чтобы материализоваться из мистики слова, зачаровывая и гипнотизируя притихший зал. Он был ее вечно зачарованным зрителем, для которого очарование длилось за пределами сценического действия. Он нес в себе ее мир все годы их необыкновенно одухотворенной и вдохновенной супружеской жизни, в которой не было места материальному и прозаическому. Их отношения — это было самое драгоценное, что он имел, его философский камень, эликсир его жизни.

Он воспринимал мир как чудо, и самым большим чудом для него было искусство. Он был открыт всему новому, необычному в науке именно потому, что душа его отзывалась на то, что было создано фантазией и воображением. Его собственные новшества в медицине были результатом полета творческой фантазии, идущей заступу вопреки существующим догмам. То, что он делал в медицине, было на грани науки и искусства по уникальности и искусности. Да и встреча его с Ле-

ной была отнюдь не случайной. Она явилась результатом его тяги ко всему яркому, смелому, творческому, летящему. Ее широко распахнутые глаза навсегда сделали ее его крылатой богиней.

Вот и ты ушел, вот и я осталась,
Чтобы снова глядеть в обрыв,
Шевелить тугую туманность
И пугать первородных рыб.
Все — из прошлого,
да и я — на грани.
Притаившись, слушаю, как
То ли тикает вода в кране,
То ли капает время в часах...

Ушел автор романа, осталась его героиня. Для меня он был именно автором, а не героем, потому что в любви кто-то всегда автор, а кто-то его герой. Она была его героиней, а стала медиумом его души. Они смотрят на мир вместе и дышат одним дыханием, и сердце у них одно на двоих, и он по-прежнему сидит в зрительном зале, и глаза его сияют, когда она восходит на подмостки, окруженная аурой его неизбывного тепла. А ночью он дарит ей сны и звезды и нашептывает стихи, которые она прочтет ему в тишине комнаты, а потом со сцены. Их диалог прекращаем, как неиссякаема их любовь.

"Посмотри, Боренька, уже осень", — говорит она, глядя, как волны плещутся о веранду их дачи. Он был капитаном этого корабля... "Капитан покидает корабль послед-

ним, помнишь?" — она шепчет. Он кивает, его силуэт покачивается на ряби темнеющей воды. "Конечно же, Ленуся. Я тебя обожаю".

Он сказал: "Обернись!"
Поле жизни — как поле стрельбищ.
Впереди лишь надгробья от тех,
кто сумел его перейти.
Он сказал: "Обернись!"
А иначе — окаменеешь.
Если в будущность хочешь, —
обернись!" И во всем бытии
Только он говорил,
только ты лишь стоял и слушал.
Настороженно время взвело курок.
И зрачок у пространства
был болезненно сужен.
Путь един за пределами трех дорог.
Посему — нет распутия у смерти,
а есть бездорожье.
Посему — есть распутия у жизни
и выбор дорог.

Он сказал: "Обернись!"
"Обернись!" — он сказал,
и продолжил...
Но об этом писалось
уже не раз между строк.
И тогда ты поверил,
хотя не читал междустрочий,
И я видела, как
Вдруг обмякли мышцы спины,
И я знала, что это —
наступление ночи,
Что отобрано поле навек,
Но подарены — сны.

Филадельфия.

Юрий ФУРМАНОВ СЕСТРЫ

Я никогда не видел столь опрятной и ухоженной старой дамы. Тщательно и умело уложенный на затылке пучок седых волос, безукоризненно сидевший на маленькой фигурке костюм...

Она стояла напротив моего купе и смотрела в окно, за которым простирались западноукраинские пейзажи. Когда проезжали мимо Подволочиска, женщина, искоса взглянув на меня, вдруг заговорила: "Это мои родные места. Видите вдалеке речку? Вот за ней стоял наш дом". Я вежливо ответил, что вижу, и пошел в тамбур покурить.

Женщина продолжала стоять у окна, а когда я подошел, спросила: "Вы сбежали от старческих воспоминаний? — и, не давая возможности ответить, сказала: — Всегда, когда еду в командировки во Львов и проезжаю, можно сказать, мимо родного дома, переживаю, что не могу сойти с поезда и встретиться с родной сестрой, которую более полувека не видела".

Для меня это было очень странно. Что мешает им увидеться? Несколько лет тому назад, когда мы с другом ехали из Бреста на юг через Житомир, мне удалось его уговорить заехать к отцу, которого он не видел двадцать лет, с тех пор, как призвали в армию. Как же он сопротивлялся! "Видеть его не хочу, да и к тому же мы стали совершенно чужие. Разве можно простить, когда родной отец, зная, что сын будет служить в Афганистане, не приходит его проводить? Это каким нужно быть жестоким и безразличным!"

И все-таки я уговорил его повернуть к дому отца. И что выяснилось? Старик сам страдал все эти годы. Буквально накануне поездки к сыну умер его родной брат, и он его хоронил. Послал телеграмму, но, очевидно, мать, не простившая его уход к другой женщине, скрыла ее. Накрыли стол, отец с сыном обнялись и так меня благодарили, что приятнее чувства от такой картины я, пожалуй, не испытывал.

Я рассказал эту историю пожилой женщине, убеждая, что какие бы обиды ни были между родными, главное — посмотреть друг на друга, и прощение придет. Люди порой

без всякой надежды ищут друг друга годами, а вы из-за какой-то обиды не можете выйти из поезда и обнять сестру. Извините, но это не по-христиански.

После такой эмоциональной tirady мне захотелось зайти в свое купе и закрыть двери. Но тут я увидел слезы на глазах старой женщины. "Нет, нет, не надо меня жалеть. Не допускаю к себе жалости со времен войны, — она помолчала и затем кратко сказала: — Есть вещи, которые и добрый христианин простить не может. Хочу, хотела все эти годы, но страшная картина расстрела фашистами прилюдно на площади еврейской семьи — бабушки, супругов и их троих детей — все время стоит перед глазами". Пожилая дама почувствовала себя неважно, и не говоря ни слова, удалилась в соседнее купе.

Я ничего не понимал: какая связь между этим расстрелом и отношениями двух сестер? Даже подумал: сама ты фашистка! Какой бессердечной и жестокой надо быть, чтобы на старости лет, возможно, перед смертью ни разу не взглянуть и не поговорить с родной сестрой!

Наступило утро. Я избегал встречи со старой дамой, у которой, очевидно, было больше заботы о своей внешности, чем о собственном сердце. Но и она почти целый день не выходила из купе. Не случилось ли что? Правда, в районе украинско-российской границы я слышал, как она по-украински разговаривала с таможенниками. Когда они ушли, она опять стала у окна и уже по-русски, обращаясь ко мне, сказала: "Я не знаю вас и вашего имени, но не хочу оставить в вашей душе неприятный след". И начала свой рассказ.

"До войны у нас была большая дружная семья. Когда осенью 1939 года к нам пришла советская власть, отец и старший брат пошли работать в железнодорожные мастерские, а мы с сестрой (она на год старше) заканчивали школу. К новым порядкам относились настороженно, хотя и понимали, что лучше Советы, чем польки.

На нашей улице неподалеку жил ангел-хранитель нашей семьи, замечательный доктор Самуил Аронович Глинский, усилиями которого мы, дети, победоносно справля-

лись с болезнями. Моя сестра обязана ему даже жизнью, когда он несколько ночей боролся с острой формой желтухи. Во время фашистской оккупации Самуил Аронович вместе с семьей прятался в железнодорожных мастерских. Мой брат в то время служил в немецкой полиции и не раз предупреждал еврейскую семью о возможных облавах. Так продолжалось до Нового года, пока моя сестра не познакомилась с немецким офицером. После этого ее как будто подменили. Дома не ночевала, а когда приходила, вела себя так, будто не отец главный в доме, а она. В одной из ссор прямо заявила: "Вы не думайте тут выступать, бо прячете жидов". И чтобы не подставлять нас, а главное себя, с помощью офицера вывела из подвала еврейскую семью и сдала ее в комендатуру. На следующий день всех их расстреляли. Ужасная картина расстрела до сих пор у меня перед глазами.

Алена, так звали мою сестру, несколько месяцев не появлялась дома. Где жила, чем занималась, мы не знали. После изгнания немцев, когда ее на пять лет засудили и отправили в лагерь, выяснилось, что она работала в фашистской комендатуре. Ее немец и наш брат погибли в той войне, а я поехала в Ленинград и поступила в университет, на биологический. После отбытия наказания она каким-то образом узнала мой телефон, просила о встрече, но я не пошла. Скажете, побоялась властей? Нет, она для меня тоже погибла. Она своим поступком увела в преждевременную могилу не только еврейскую семью, но и наших родителей".

Когда пожилая женщина замолчала, я спросил: "Как же так? Ну ладно, не хотите видеться с сестрой, — но в вашем городе, наверное, похоронены отец и мать. Вы что, простите, их тоже не навещаете?"

"Почему же, навещаю, но так, чтобы сестра не знала. Я их никогда не забывала, и более того, сделала все, чтобы об их помощи евреям во время войны узнал весь мир".

Нелегко дался этот рассказ пожилой женщине. Она ушла к себе, и больше мы не виделись. Но я долго еще стоял у окна и думал: главное — жить по совести и не совершать подлостей.

Дора КЛИНОВА Городу Любви

Я случайно обнаружила эту маленькую скульптурку в Городском саду, что на Дерибасовской в Одессе. Сначала даже не поняла, что это такое. На тонком стебле нечто бесформенное, усыпанное чем-то блестящим. Да нет, не бесформенное — ведь это же сердце, а на нем множество маленьких латунных сердечек, которые сверкают на солнце. Внизу на постаменте табличка с надписью:

Я ахнула. В Одессе не знают, что такое 14 февраля.

Американский день любви, Valentine's Day, о котором большинство одесситов понятия не имеют. По-видимому, бывший одессит — эмигрант, приехавший из Америки, воздвиг этот маленький диво-памятник в Горсаду, в самом центре Одессы. А может, это сделала группа американских одесситов, — уж не знаю точно.

Как надо любить Одессу, чтобы придумать такую чудо-композицию! Большое сердце, усыпанное множеством сердец всех уехавших из Одессы. Теперь эти сердца зажигаются на солнце и шлют свою любовь и тепло нашему родному городу со всех концов мира. Я, американка, любовалась этой скульптуркой.

Да, я уже давно американка. По паспорту. А в душе? До конца жизни я буду чувствовать эту раздвоенность. Иностранка в Америке, иностранка в Одессе. Из глаз невольно текли слезы. Здесь вдруг заработали мои слезные железы. Я ведь о них забыла. Я научилась плакать в эмиграции. Сначала было не до плача, рыдать попусту не было времени. Слишком много нового надо было осваивать. А сейчас вроде и плакать ни к чему.

Я долго стояла рядом с этой скульптуркой. Прощалась с Одессой. Я провела здесь 10 дней, сложных, непонятных мне дней.

Облюбовала самое яркое сердечко, которое сияло бриллиантом под ласковым одесским солнцем, и шептала себе:

Это мое сердечко. В нем все: и мое восхищение, и моя боль. Мне грустно, моя Одесса. Моё сердце будет с тобой. Нет, неправильно. Я заберу с собой своё сердце. Оно мне еще пригодится. Я теперь живу в Америке. Я лучше оттуда тебе буду посылать свой свет, моя родная Одесса. Океан света и море добра. Тебе оно так необходимо сейчас!

Завтра я улетала домой, в Калифорнию.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ ЗВЕЗДА МОРЕЙ

Пушкинские "странные сближения" бывают и счастливыми. В Москве журнал "Огонек" в своей известной серии издал сборник стихов Юрия Михайлика "Звезда морей". Месяца за два до этого радостного для поэта события там же, в Москве, но в другом издательстве, вышла книга стихов Елены Юрьевны Михайлик "Ни сном, ни облаком". Такие книжные радости подоспели к семидесятилетию Юрия Николаевича.

Юбилей удался!

Сколько лет прошло с ранних стихов Михайлика, со времен, когда беззаботно читались стихи и напевалось: "Ах, Николаевский бульвар, кораблики качаются, я никогда не забывал, что перерыв кончается, что нету счастья без конца, а мне его отпущено от Воронцовского дворца до памятника Пушкину"! Как много и мало нам нужно для счастья в юности!

Кажется, незаметно "напевные грехи" молодости уходили в прошлое. Но оставалось легким и свободным дыхание строки, в которой "возник жасмин, таившийся в саду", и "дачный трамвайчик неспешный отзвенел по своим колеям". Не об этом ли напишет позже Михайлик:

*Рифмуется все что угодно,
любая из рифм хороша,
пока молода и свободна,
легка и беспечна душа.
Не знает она, не гадают,
какие придут времена,
сама по себе совпадает
с дыханием мира она.
Наивным шальным озареньем
присвоив неведомый ритм,
не знает законов паренья,
а просто парит и парит.*

...Когда уезжал из Одессы Борис Владимировский, Лена Михайлик воскликнула: "Владимирский уезжает?! Это все равно что уехал бы Оперный театр!". Когда через несколько лет уезжали Михайлики, казалось, что уезжает не только Оперный, но и Приморский бульвар с Пушкинской, и Большой Фонтан вместе с Гордским садом.

Незатейливая песенка "В городском саду играет духовой оркестр..." тешила сердца одесситов — это наш Городской сад, в котором у каждого была "своя" скамейка и каждому "духовой оркестр" играл что-то свое...

Уже в Австралии написаны пронзительные строки: "Я прислушаюсь, дрогну, пойму — и с ума сойду, ибо это играет оркестр в городском саду. Над зеленой, холеной, над стриженной травой это жизнь моя, кажется, кружится вниз головой...". Между тем "духовым оркестром" и этим "оркестром в городском саду" прошла целая жизнь. Не только Михайликов, но и наша...

*Мимо грядок, оградок,
ларьков, пионерлагерей,
мимо редких дверей
в нескончаемом дачном заборе,
мимо пыльных акаций
на каменных плитах — скорей! —
и откроется море.*

*Чаша Черного моря
под куполом светлых небес —
голубое, зеленое, серое, сизо-стальное.
Что ты помнил о счастье,
пока тебя не было здесь?
Что ты знал о просторе, о воле,
о медленном зное?*

*Понт Эвксинский, таласса,
кипенье и пенье веков,
колотящихся в берег,
как память его и забвенья,
и гряда горизонта
под дальней грядой облаков
долгожданной любви,
и внезапней ее, и мгновенней.*

*Что ты помнил о счастье?
Но горькая эта вода
будет в берег стучать и стучать
до урочного часа,
чтоб откликнулось сердце,
и ты воротился сюда.
И откроется море —
дыханье, сиянье, таласса.*

Этот благословенный фонтанский пейзаж между 12-й и 13-й станциями, тот, где открывается "чаша Черного моря под куполом светлых небес", я называю "стихотворением Михайлика" и с тоской думаю, что вот-вот этого "стихотворения" не станет. Ведь нет уже грядок, оградок, ларьков, пионерла-

герей, редких дверей в нескончаемом дачном заборе, вытесненных нынешними архитектурными монстрами.

Мы любили Одессу, зная все несовершенство города, давно ставшего провинциальным, где пушкинское "Там все Европой дышит, веет" вызывало лишь ностальгические чувства по ее "золотому веку". Мы любили море — "Все против нас. И небо против. Но море все-таки за нас", бульвары, улочки, дворики старой Одессы. Мы читали у Михайлика: "Да, в империи, на юге, в эмпирее, где от солнца, как от бабелевской прозы, смуглы девушки, лукавы брадобреи и томительны июльские стрекозы". Даже этих томительных июльских стрекоз было достаточно, чтобы почувствовать зной одесского июля — с фонтанскими помидорами, с брынзой с Привоза, с сухой "Лидией" из колхозной винарки, со ставридкой, с брызжащими сладостью абрикосами... И с воздухом города, которым были полны стихи Михайлика. И в этом воздухе моря, города, стихов дышать было легче.

Был ли в стихах Михайлика "сладок нам лишь узнавания миг" одесских примет? Несомненно. Но не только в этом суть. На генетическом уровне освоив и отдав должное наследию "Юго-Запада", Юрий Михайлик нашел собственную интонацию, свою мелодию, и еще живя в Одессе, вышел за ее "городские стены". Не стремившийся осилить "шум стихотворства" 70-80-х годов, его голос, его стихи, тем не менее, были услышаны, полюблились и за одесскими пределами.

А потом "случился" Австралия — "...и море пред тобой — Тасманово, и город за спиной — Сидней. И неба дымчатая патина случайная в твоей судьбе, и нет земли доброжелательней и снисходительней к тебе...". Но там же, в этом стихотворении, — "весенним утром (здешней осенью), увидев парус за окном, не приставать к нему с вопросами, что кинул он в краю родном".

В стихах Юрия Михайлика я чувствую и привкус горечи и тоски от несовершенства мира, и нахожу свидетельства достоинства и стойкости человеческой души. Без патетики и резонанста. Зато иронии в его стихах — предостаточно! Одно из самых любимых моих стихотворений Юрия Михайлика — "Ода пуговицам": "В академических диспутах не раз обсуждал в тоске две и четыре дырки на маленьком кругляшке. Набив синяков и шишек, щенками тычась впотьмах, культуру круглого с дырками опишут в восьми томах". А я думаю, вдруг в каком-нибудь будущем "кайнозое" властолюбцы будут возводить свои родословные вот к этому круглому с дырками?! Одни — к "культуре двух дырок", другие — к "культуре четырех дырок", а уж "казнелюбивые владыки", вероятно, к "выпуклым блестящим на ножке" — пуговицам военных мундиров...

А название сборника, изданного в Москве, — из стихотворения, написанного года два тому назад.

*Звезда морей — из серого песчаника
часовенка над горечью морской —
изгнанника укрыть, утешить странника,
скальцу и страдальцу дать покой.
Но там, вдали, над черными проливами,
над лежбищем погибших кораблей,
над ржавыми, пустыми, молчаливыми,
она еще горит, звезда морей.
Она летит над стильными фиордами,
над островами ледяных полей,
над временем, когда мы были гордыми,
над беспощадной юностью моей.
И в поздний час прощальной безмолвия
она одна проводит нас домой
над темными сомкнувшимися волнами —
уже не за кормой, а над кормой.
Подводные холодные течения,
забвения последняя печать.
Нам никогда не вымолить прощенья.
Нас в этом море некому прощать.*

Морская звезда, Stella Maris — спасающая, подающая надежду — одна из ипостасей Девы Марии. Этот образ возник много веков тому назад. По славу ее возводились часовни на морском берегу, возносились католические молитвы, песнопения. И многие поэты посвящали ей стихи.

Но у каждого поэта она своя. И "Звезда морей" Юрия Михайлика не похожа на других. Эти исполненные горечи строки я часто повторяю про себя. Легли на душу. Может, потому, что и у меня есть своя Звезда морей — русская речь и русская поэзия, в которой среди многих любимых стихов — и стихи Юрия Михайлика.

Багрицкий и Фиолетов

Многие писатели и поэты сами создают мифы о себе, придумывают биографию, в которой есть и лихие схватки, и любовь прекрасных дам. Легенды о себе придумывал и Эдуард Багрицкий. Астматик, он мечтал о сражениях, дальних странах.

Многого о юности Багрицкого мы не знаем, да и современники-литераторы в воспоминаниях склонны были порой следовать представлению поэта о себе.

Но есть и воспоминания простых, обычных людей, для которых знакомство с Багрицким оказалось чуть ли не самым ярким событием биографии. Правда, это выяснялось лишь годы спустя. Реже попадаются воспоминания об Анатолии Фиолетове и его неизвестные стихи. И все же бывает и такое.

Сохранились письма, написанные теми, кто знал Багрицкого и Фиолетова в детстве и юности. Ничего сенсационного там не найдешь, они могут показаться наивными, но живые детали дополняют облик поэтов. Письма печатаются с сохранением стилистики оригинала.

Алена ЯВОРСКАЯ,
Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Уважаемая редакция!

Прочел в Вашей газете "Вечерняя Одесса" от 19 июля с/г. статью под заглавием "Почтовый диалог", где пишется о 3-м выпуске клуба "192 ступени". Хочу с Вами поделиться некоторыми воспоминаниями о поэте Э. Багрицком. Я, как говорится, старый одессит, хотя в Москве проживаю 50 лет, а в этом году приехал в родной город на короткое время. С Багрицким — Эдькой Дзюбиным (такова его настоящая фамилия) я учился в Одесском реальном училище В.А. Жуковского на бывшей Херсонской улице д. № 26. Два года в первом и во втором классе: 1905 и 1906 годы я сидел с Эдькой за одной партой. Нужно сказать, что учился он не особенно успешно, но зато карикатуры на педагогов рисовал он мастерски, и по нашей просьбе, моментально, на рисовальной бумаге карандашом или углем появлялась удивительная по сходству карикатура. Поэтических способностей он не проявлял в то время. Он обладал большим ростом и довольно порядочной силой, чем заслужил уважение всего класса. В то время он увлекался французской борьбой и выделялся знанием приемов борьбы. Мешала ему уже в то время болезнь. Болел он астмой. Проучился он с нами до 4 класса, а затем в училище его не стало. Говорили, что он ушел из училища из-за неупеваемости по предметам. После ходили слухи, что Дзюбина часто видели на Ланжероне в обществе рыбаков. Потом война, революция, и мы, его товарищи, потеряли его из виду. Только кажется, в 1923 году я с ним встретился в Москве в Охотном ряду, поговорили друг с другом, и с тех пор, до самой смерти, мы не встречались. Несколько лет назад, в Москве, явился ко мне гражданин, отрекомендовался, что он пишет воспоминания о Багрицком, и просил у меня кое-какие материалы. Я ему дал фотографию, где мы — ученики реального училища, снимались на Ланжероне, а узнал он мой адрес, будучи в Одессе, от моего приятеля и сокурсника Петра Николаевича Подобного (адрес г. Одесса, ул. Свердлова д. 81 кв 72). Фотографию я ему дал, но он мне ее не возвратил. Вот о чем я хотел рассказать клубу "192 ступени". Проживая сейчас в Москве, я все же не забываю Одессу и при случае посещаю этот город, где много юных лет проживал на ул. Баранова (бывшей Княжеской)...

С уважением

Деснер Даниил Николаевич,
общественный корреспондент отдела писем
газеты "Вечерняя Москва".

В 1920-21 г. я бывала в семье Дуничевских. Глава семьи был до революции управляющим у Бродского, известного в Одессе. У него было три дочери — Нина, Мици и Зоя. После революции завод был уничтожен, а Дуничевские продолжали жить в полуразрушенном доме, в уцелевшей половине. Мы, молодежь, приходили к ним, хотя это и было далеко, на окраине города. У них бывала интересная молодая компания, бывал поэт Кирсанов, художник Миллер и Эдуард Багрицкий. Он производил впечатление замкнутого человека, но вместе с тем принимал участие в наших беседах, спорах, иногда читал свои стихи и сочинял на ходу эпиграммы. Бывал он там часто, увлекался старшей сестрой Ниной, т. к. она тоже писала стихи и увлекалась поэзией. В дальнейшем две другие сестры с матерью и отцом выехали в Польшу, а Нина, выйдя замуж, выехала на Урал. Мое знакомство прекратилось с Багрицким, в связи с отъездом этой семьи.

У меня сохранилось фото тех мест, где мы все сфотографированы — три сестры, Багрицкий, я и еще один человек из нашей компании.

Сахарный завод находился где-то возле II Заставы.

Туда ходил трамвай № 21 до конца Дальницкой улицы, а затем надо было идти еще пешком.

Кокоринова (Чеботарева) Вера Михайловна
1983 г. Ровно.

Уважаемая редакция!

Недавно я прочла в вашей газете "Вечерняя Одесса" о поэте Багрицком и узнала, что его друг был Анатолий Фиолетов. И нахлынули воспоминания гимназической юности.

Я познакомилась с Анатолием Фиолетовым на балу. Он был со своим другом, студентом Петроградского политехнического института. Имя и фамилию не помню, но помню темные глубокие глаза.

Объявили последний вальс, и я с подружкой собралась уходить. Вдруг подходит Фиолетов, представляется сам и представляет своего друга. Анатолий уговаривал меня протанцевать этот вальс с его другом. А друг и говорит мне: "Не отказывайтесь, он поэт, ему нельзя отказывать". Я согласилась, но сказала: "Если Вы поэт, напишите мне экспромт!". И по окончании вальса он подал листок со стихотворением "Зое".

Я его и посылаю. В то время я была в 7-м классе гимназии. После бала у нас начались встречи. Он очень много говорил, интересно говорил. Много говорил о футуризме, предлагал пойти на литературные вечера, но родители мне не разрешили. Говорил, что встречи его вдохновляют на творчество. Подарил мне свой сборник стихов с автографом. Помню, в этом сборнике он писал о себе, это было на последней странице:

*"Средь разных принцев и поэтов
Я, Анатолий Фиолетов, глашатай..."*

До Первой мировой все было сохранено. Потом как-то у нас оборвались встречи, вроде бы он болел. И я потеряла его из вида.

Прошли годы. В 1919 я вышла замуж, это было весной. Идем и видим на Соборной площади тысячная толпа, катафалк утопал в цветах. Я спросила — кого хоронят? Говорят, какого-то поэта. Я протолкалась поближе и на лентах венков прочла: "Дорогому Анатолию Фиолетову". Так мне удалось проводить его в последний путь.

А все же очень грустно, что все ушло.

Может быть, все это неинтересно и смешно. Извините, но я пережила сейчас минуты юности.

С уважением

Зоя Ивановна Есипович
24.XI.75 г.
Одесса.

P. S.

Интересно, кому попадет мое письмо?

Зое

*Танцевала, улыбалась
И плыла, блестя глазами,
Исчезала, появлялась,
Вновь глядела, вновь смеялась
Розоватыми губами,
А затем, устав, бросала
Конфетти рукою нежной,
Шаловливо осыпала,
И горели щеки ало,
Как закат в равнине снежной.
И тогда... бал покорился
Зое светлой и прекрасной,
Как богине ей молился,
И, клянусь, я сам пленился
Шейкой белой и атласной.*

Фиолетов.

Михаил ГАУЗНЕР НАШ ЮБИЛЕЙ

Был ясный солнечный день, один из последних теплых дней уходящего лета. В сквере напротив здания экономического университета на Преображенской, 8, собралось много пожилых необычно веселых, счастливых улыбающихся людей. Дружеские рукопожатия, объятия, поцелуи, радостные восклицания: "Привет! Ты совсем не изменился, разве что чуть-чуть. А я постарела? Ну ладно, не лести, сама знаю, а потом Аскольд!" — "Ой, да это Женя (Толя, Инна, Юра)", — и в таком же духе продолжалось часа полтора-два. Фотографировались, опять обнимались и говорили, говорили...

В моем кармане зазвонил мобильник, и я услышал голос Сергея Калайджяна, который так и не смог выбраться в Одессу из Сухуми: "Миша! Все уже собрались? Дай мне Свету, а потом Аскольда!" — "Сережка, как жалко! А когда ты сможешь приехать? Приезжай, пожалуйста, мы хотим тебя видеть! Хорошо, передаю телефон дальше..."

Минут через 20 я стал сомневаться, что телефон когда-нибудь вернется ко мне, — он продолжал переходить от одного из моих товарищей к другому, отовсюду слышались радостные восклицания. И казалось на удивление естественным, что люди, которым, говоря одесским языком, "хорошо за семьдесят", называют друг друга Сережками, Майками, Алками. Поэтому и я в этом тексте буду называть моих солидных и пожилых товарищей просто по именам, без отчества и церемоний.

В здании, у входа в которое мы собрались, с 1918 по 1958 год размещался Политехнический институт. Мы пришли в него 55 лет назад юными, наверняка немного смешными; кто-то был скромным, кто-то более уверенным, но все — радостными и веселыми: ведь впереди была студенческая жизнь, о которой мы так мечтали.

Наш сороковой выпуск ОПИ был последним в этом здании, потом институт переехал на проспект Шевченко, там впоследствии вырос целый квартал учебных корпусов, но они для нас чужие, а тот, у которого мы собрались, — родной. Читатель уже понял, что в этот день мы отмечали полувековой юбилей нашей самостоятельной инженерской жизни, начавшейся тогда, когда мы покинули эти стены.

Кстати, о стенах, вернее — о здании. Оно было построено в конце XIX в. на средства одесского купечества для размещения в нем Императорского коммерческого училища. По словам писателя и краеведа А.Ю. Розенбойма, окончившие училище с отличием представлялись на звание почетного гражданина Одессы. Выпускниками этого учебного заведения были многие известные люди, сыгравшие важную роль в жизни Одессы и России. Коммерсантов не припомню, но двоих знаменитых литераторов назову: Лев Никулин, и особенно Исаак Бабель. Так что мы, не зная этого тогда, могли заниматься в аудитории, где учился Исаак Эммануилович.

Но вернемся к нашей встрече. Попытаюсь передать ее необыкновенную атмосферу по памяти и фрагментам видеозаписи, которая велась почти все время: "А кто это топают? Это не наш кадр?" — "Раз топают, значит, наш". К площадке сквера, на которой мы собирались, приближаемся, опираясь на палку, высокий солидный мужчина в очках и бейсболке. Холеные седые борода и усы, заметно выпирающий живот, нависающий над ремнем. Невозмутимо, без улыбки смотрит

на нас; его почти никто не узнает. Света Дорошенко, смеясь, помогает ему повесить на грудь с частичной опорой на живот фотографию молодого красивого юноши, в котором сразу узнается студент Витя Галка. Хохот, дружеские подначки, реплики типа: "Ну, ты даешь!", "Ты это здорово придумал".

— Я помню нашу встречу с тобой в Минске. Когда это было? В конце шестидесятых? И как там ваш батяка Лукашенко? А кто из наших еще есть? — Саша Карачун, у него завтра семидесятипятилетие; сам понимаешь, он не смог уехать.

— Ты посмотри на эту женщину! Она всегда была красавица, и сейчас такая же. Нет, серьезно! Не понял, кто-то не согласен?

— Какой ты молодой, даже я не такой, а я ведь еще ого-го, правда?

— Леня Комиссаренко не смог приехать, он в больнице; хоть и Германия, но больница — это серьезно.

— Ну, ребята, вы молодцы!

— Нет, это все мы молодцы, раз смогли все преодолеть и приехать!

— А ты стал расти вперед.

— Что же ты хочешь, вверх я вырос еще в институте!

— Ребята, подойдите по одному к Инке, надо скинуться еще по двадцатке — с марта цены выросли. И кончайте обниматься, еще успеете. Пошли потихоньку в ресторан, это недалеко.

Несколько кварталов до ресторана шли довольно долго — некоторые из нас быстро передвигаться не могли, но это никого не смущало. Говорили, рассказывали, выясняли, отвечали.

В большом зале ресторана за огромным столом расположились 42 участника встречи; из них, за вычетом пяти жен, собственно юбиляров было 37. Пять лет назад нас собралось 25, но нескольких из них на этот раз не было: кто-то не смог, а одна из организаторов предыдущей встречи, энергичная и веселая Алла Молостова, через год умерла. Так что почти половина собравшихся оказались на встрече впервые за много лет.

А найти их было совсем не просто. Многолетний организатор наших традиционных сборов Гриша Машевский перед отъездом в 1993 г. в Штаты передал все списки с адресами и телефонами Володе Гительмахеру, который вскоре, возвращаясь в Одессу, внезапно умер в поезде от инсульта. Во время похорон было, понятно, не до списков, а потом его семья переехала, и сведения потерялись.

Через десять лет за организацию очередной встречи взялись автор этих строк и Инна Гурович (Зильберберг). Нам пришлось составлять списки, практически заново отыскивать адреса и телефоны сокурсников, обзванивая одесситов. Затем по ставшим известными адресам я посылал письма.

В этом году мы с Инной, Аскольдом Назаренко и Сеней Гройсманом расширили поиск и разными способами — по телефону, рассылкой писем (включая даже письма без адресов в иногородние организации, где раньше предположительно работали наши выпускники) — оповестили почти 80 человек.

Нам было приятно, что уже на этом этапе реакция большинства оповещенных была радостной и благодарной (помню SMS Олега Мазура из Нальчика: "Миша! Я так тебе благодарен..." — и много аналогичных телефонных звонков). Нам пришлось дважды переносить дату встречи и заново оповещать об этом всех будущих участников, живущих в разных городах и странах, когда выяснялось, что она неудобна для кого-то и ставит под угрозу его приезд. Работа была большой и кропотливой, но мы сами получали от нее удовольствие.

Часть писем вернулось с пометкой "адресат не проживает". Некоторые наши товарищи звонили,

очень благодарили за приглашение, но говорили, что по разным причинам (в основном — по состоянию здоровья) приехать не смогут: Игорь Бенюх из Северодвинска, Витя Денисенко из Новосибирска, Тоня Герасимчук из Первомайска, Лина Морозова из Винницы, Игорь Рейдер из Торонто и другие. Не смогли приехать упомянутые выше Сергей Калайджян из Сухуми, Саша Карачун из Минска, Леня Комиссаренко из Германии и еще человек десять, известных нам.

"География" приехавших была довольно широкой: из США — Майя Лукашевская, Инна Винер (Зильберберг), Гриша Машевский; из Германии — Юра Концов с женой и Витя Галка; из Израиля — Мила Лепина (Блехман), из Санкт-Петербурга — Людмила Вишневская, из Нальчика — Олег Мазур, из Кишинева — Саша Марин с женой, из Минска — Вадим Басс и Маня Баранова, из Москвы — Оля Волощенко, шестеро из разных городов Украины. Таким образом, больше половины собравшихся были приезжими.

Но вернемся к застолью. В его организации приняли активное участие Инна Гурович, Алла Зуева (Дмитриева), Сеня Гройсман и Ванда Рымар (Ямроз); в организации видео- и фотосъемок — Света Дорошенко, которая сама их частично оплатила.

Открывая наш вечер, я поприветствовал от имени одесситов всех приехавших, а потом попросил почтить память около тридцати наших товарищей, которых уже нет среди нас, и перечислил их поименно. Это был единственный грустный эпизод. После этого начались тосты, здравницы, воспоминания, пожелания, продолжавшиеся допоздна.

Один из нас, профессор политеха Женя Бельтюков, сказал, что наше братство — явление уникальное; ему за несколько десятилетий работы в институте ни разу не приходилось сталкиваться с такой многочисленной и радостной встречей выпускников. Потом он эмоционально вспомнил наших преподавателей и их роль в получении нами знаний. А наша профессиональная подготовка была действительно очень хорошей — среди нас несколько профессоров (в том числе известный ученый, заслуженный деятель науки и техники Украины академик Аскольд Назаренко), доценты, директора и главные инженеры заводов и проектных организаций (бывшие директор Одесского завода "Центролит" Сергей Василенко, начальник СКБ "Сиблитмаш" в г. Новосибирске Виктор Денисенко и другие руководители), конструкторы высокого уровня — авторы оригинальных разработок, изобретатели, заместитель министра станкостроения СССР Николай Ендовицкий (увы, покойный), лауреат Государственной премии республики Беларусь и вице-президент Белорусской ассоциации литейщиков Вадим Басс; перечень можно продолжить. Не боясь громких слов, могу сказать, что выпускники нашего курса внесли действительно большой вклад в развитие машиностроения.

Тост Е. Бельтюкова продолжил Гриша Машевский, который в свойственной ему живой форме по-доброму и с юмором вспомнил многих преподавателей, восстанавливая в нашей памяти их характерные черты и выражения.

Первым, естественно, был назван директор института профессор Виктор Афанасьевич Добровольский, около тридцати лет бессменным заведующий кафедрой деталей машин. Наш курс был последним, на котором он читал свои неповторимые лекции. Это был ученый и инженер с огромной эрудицией и опытом, эксперт во многих областях машиностроения и одновременно человек с прекрасным чувством юмора, остроумные фразы ко-

торого передавались из поколения в поколение студентов.

Гриша напомнил нам некоторые изречения Виктора Афанасьевича: "Характер, по аналогии еще кое с чем, надо иметь, но не обязательно его показывать"; "Прочность соединения обратно пропорциональна учености его создателя" и ряд других, что вызвало смех и аплодисменты собравшихся.

Мой отец, учившийся у Виктора Афанасьевича еще в начале тридцатых годов, цитировал мне другие его "крылатые фразы". Когда студент приносил Добровольскому слабый, с ошибками, проект, тот говорил: "Инженера из тебя, видимо, не получится. Может быть — главный инженер...", "Инженер-руководитель должен уметь не только руками водить, но хотя бы иногда и головой работать".

На лекциях В.А. Добровольского всегда была полная аудитория, хотя лекциями в общепринятом смысле назвать их было трудно; скорее это были размышления, рассказы об интересных случаях из его обширной практики эксперта, но почему-то именно они вспоминались потом в нашей практической работе чаще многих других традиционно построенных лекций.

Профессор В.А. Добровольский

Наша сокурсница Майя Яворовская (о ней речь впереди) писала о Викторе Афанасьевиче через 25 лет после окончания института: "Неожиданно приоткрылась дверь аудитории, в ней показались аккуратно причесанные на пробор профессорские седьмы, неизменное чеховское пенсне — и вдруг совершенно хулиганско-мальчишеский взмах руки: "Бонжур, механики, с новым учебным годом!". И исчез...". Во время праздничных демонстраций он любил приходить в нашу колонну и разбрасывал налево-направо, словно конфетти, свои ярко расцвеченные полугалетные шуточки". Наверное, среди наших преподавателей не было другой такой колоритной и легендарной фигуры.

С благодарностью вспомнили мы с Гришиной помощью преподавателей, прекрасно читавших, пожалуй, самые сложные теоретические курсы — теорию механизмов и машин (ТММ) Льва Соломоновича Ханукова, и сопромат — Анатолия Васильевича Будницкого, всегда подтянутого, строгого, четкого.

Потом "тряхнул стариной" Вадим Басс и на специально принесенной мною гитаре стал аккомпанировать себе и другим исполнителям, и зазвучали наши старые песни.

Но основным содержанием и главной радостью вечера было общение. Собрались группками, подсаживались друг к другу и говорили, говорили.

В конце вечера я вновь выступил и предложил вспомнить двух наших товарищей, которые после нескольких лет успешной инженерной работы окончательно поняли, что их призвание — журналистика, и осуществили его.

Одна из них — уже цитировавшаяся выше Майя Яворовская (в "Тикве" год назад был опубликован мой очерк о ней и большая подборка ее стихов). Она стала членом Союза журналистов, работала в газете и на радио, преподавала журналистику в университете и писала про-

зительные, искренние стихи. Жаль, что ее уже семь лет нет с нами.

25 лет назад, когда она не смогла приехать на нашу встречу, в зачитанном перед собравшимися ее обращении были такие строки: "В каждый приезд в Одессу я ходила туда, на Преображенскую и Гоголя... Там всегда сжималось мое сердце, и с годами все чаще наворачивались на глаза сентиментальные слезы. Там я знаю каждую щербинку на тротуаре, там на каждом углу страница памяти... Пока будет жив хоть один из нас, будет жить и наш старый добрый дедушка — институт, и наше братство".

Стал журналистом, сценаристом, поэтом и мой самый близкий друг, наш одноклассник Женя Марголин. Он был членом не только Союза журналистов, но и Союза кинематографистов. За сценарий нашумевшего в конце 80-х годов фильма "Легко ли быть молодым?" он получил Государственную премию СССР — высшую награду для творческого работника. В последние годы жизни (он внезапно умер в 56 лет, на пике творчества) Женя был избран коллективом и успешно работал директором и художественным руководителем Рижской киностудии документальных и научно-популярных фильмов.

Еще работая на заводе в Риге, Женя в 1960 году написал и прислал мне стихотворение "Друзьям-политехникам". Я прочитал его собравшимся на нашей встрече, и оно прозвучало так, как будто адресовано нам, сегодняшним. Написано оно было ко встрече Нового года, но важен в нем не повод, а тяга к общению с нами и настроение. Приведу несколько последних строк:

"...Гулко наполнят комнату
курантов удары мерные,
С Новым годом поздравит
по радио Левитан,
А когда шум утихнет,
в десять минут первого
Я по старой традиции
снова наполню стакан.
Я знаю — в это же время
в далеком Новосибирске
Сверяют часы по московскому
трое наших ребят,
И одновременно в Одессе,
Москве и Минске
Бывшие политехники
тоже на стрелки глядят.
Большая подходит к двойке.
Выпьем за дружбу верную!
Впрочем, не надо тостов,
пусть говорит тишина.
В эту минуту — вместе.
Десять минут первого.
Молча — стаканы в руки,
молча — до самого дна".

Пожалуй, лучше о дружбе и братстве не скажешь.

Закончился наш вечер поздно, официантки уже многозначительно поглядывали на нас, но мы все никак не могли разойтись. Стояли на тротуаре у входа в ресторан и договаривали то, что не успели сказать друг другу там. Одни завтра уже уезжали; кто-то собирался через день по приглашению Вали Заболотного идти с ним на яхте по заливу, посмотреть на Одессу с моря; кто-то договаривался о "сепаратных" встречах в небольших компаниях.

Человек двадцать встретилось на следующий день около Дюка. Долго сидели на обновленном Приморском бульваре, подошли к памятнику Екатерине II и Основателям Одессы. Потом спустились в порт, прошли вдоль пассажирских причалов, посидели на скамейке около яхт-клуба. У наших ног плескалось море, на голубом небе светило яркое солнце, мы ели принесенный кем-то виноград... Это были счастливые минуты умиротворения, и опять не хотелось расставаться. Поднялись на фуникулере, мимо застекленной крыши над фрагментом археологических раскопок прошли к памятнику Пушкину, потом к Оперному.

Повторюсь — жаль было расставаться. Вадим Басс предложил организовать следующую встречу не через пять лет, как обычно, а через два года.

Так закончился наш юбилей, который оставил у его участников теплые и добрые воспоминания. Если хотя бы часть наших пожеланий друг другу сбудется, мы будем счастливы.

Павел ЦАУДЕР ОН СНОВА ВСТРЕТИЛ НАС...

Русская эмигрантская публика Сан-Франциско и Района Залива давно уже знает, что каждый концерт Михаила Маргулиса — это радость встречи с талантливым одесситом. Вот и на этот раз театрализованное представление 6 сентября было не поводом, а причиной для многих одесситов, и не только для них, собраться в роскошном зрительном зале Русского центра Сан-Франциско на авторский концерт "Я снова встретил вас..."

Зрителей ожидал не просто авторский концерт, а — юбилейный. Этот талантливейший человек завоевал популярность зрителей не только как организатор вечеров, но и, в первую очередь, как автор стихов и музыки к ним и как исполнитель.

В концерте принимали участие певцы, работавшие ранее в театрах России, Украины, Белоруссии, Армении — Люцина Казаченко, Григорий Харик, Сусанна Чубарян, Иванна Таратула, Елена Степанова, русский бас Николай Масенков, тенор Владимир Загацкий.

Многие песни и романсы были исполнены в сопровождении пианистки и композитора Эллы Белиловской, Льва Островского, Лилианы Сигаловой.

Имя Маргулиса было хорошо известно еще в его родном городе Одессе, где он создал эстрадно-поэтическую студию — ЭПОС — при Дворце профтехобразования. Когда студия повзрослела и превратилась в театр, в его репертуаре появились такие серьезные постановки, как "Принцесса Турандот" Карло Гоцци и трагедия "Антигона" Софокла.

Эти спектакли видели зрители не только Одессы. В Москве спектакль "Антигона" стал победителем конкурса, а режиссер и постановщик М. Маргулис получил диплом за лучшую режиссерскую работу.

Об этих спектаклях писали многие газеты и журналы. А об исполнении софокловской трагедии

Михаил Маргулис

сообщала на своих страницах газета "Правда" 8 декабря 1986 года: "Антигона" учится в ПТУ. Одесса. (ТАСС). Событием месяца стал в Одессе спектакль, премьера которого прошла под открытым небом — на ступенях греческой колоннады на берегу моря.

Многочисленные зрители познакомились с оригинальной постановкой "Антигоны" Софокла.

Еще одной "изюминкой" премьеры были сами участники — ребята из местного ПТУ № 35, которые

свою творческую биографию начали с представления знаменитой древнегреческой трагедии.

Интересно, что в подготовке спектакля участвовали все питомцы ПТУ — кто шил туники и хитоны, кто мастерил сандалии, кто оформлял декорации. Ребята из вокально-инструментального ансамбля разучили современные мелодии Греции. А девушки из группы ритмической гимнастики подготовили хореографические миниатюры, воспользовавшись необычным источником — изображениями танцующих гречанок на античных барельефах.

Репортаж об одесском молодежном театре ЭПОС был показан по Центральному телевидению.

Имя Михаила Маргулиса стало хорошо известно также и в эмиграции, на берегу Тихого океана, в прекрасном городе Сан-Франциско.

Михаил Маргулис был одним из инициаторов создания в Сан-Франциско землячества "Одесса", которое возглавил авторитетнейший человек города доктор Вадим Квиташ, а также подал идею возрождения выпуска "Одесского листка", выходившего в Одессе с 1872 года до прихода в город советской власти.

"Одесский листок" читали не только в Сан-Франциско, где многие одесситы нашли гостеприимный приют, а и в других городах Америки, а также в Канаде, Германии, Чехии, Израиле, Австралии и, конечно, в милой Одессе, в Белгород-Днестровском, Виннице, Киеве, он зачастую попадал в Москву и Санкт-Петербург.

О замечательном объединении одесситов далеко от родного города Михаил Маргулис написал со свойственным ему юмором песню "Земляки". И не только слова, но и музыку к ней.

*Жили-были чудачки на свете,
Они творили разные чудачества.
И как-то*

*на большом своем совете
Решили, что пора открыть
"Землячество".*

22 сентября 2002 года отмечали 8-летие землячества и "Одесского листка", и еще одну приятную дату, о которой все знали, но делали вид, что никто не знает.

Но в разгар концерта конференсье Аркадий Левитин неожиданно объявляет, что среди присутствующих, оказывается, есть юбиляр. И это — редактор "Одесского листка" Тамара Белорусец.

Что тут началось! Вопреки сценарию, многие зрители устремились

к сцене с букетами и захватили инициативу в свои руки. Зрители слушали уже не "программные" выступления, а те, которые Тамара "получала по заслугам".

Она действительно была достойна всех этих восторженных похвал за свой талант, трудолюбие, заслужила уважение и любовь своих земляков.

А "Одесский листок" в тот день вступил в девятый год своего возрождения. Об этом говорили и пели, и шутили актеры и гости.

Звучали песни на стихи Тамары Белорусец, Юрия Зайчика, Кима Литвака, и все — на музыку Михаила Маргулиса. Состоялась также премьера трех песен бессменного организатора всех эстрадных представлений Маргулиса на стихи Владимира Лазарева. Вечер получился на славу!

А 22 февраля 2004 года все те же друзья Тамары, Михаил Маргулис и Аркадий Левитин, устроили грандиозный вечер ее памяти. Колоссальный современный зрительный зал в новом здании Эмиграционного центра не смог вместить всех желающих — настолько крепки были уважение, любовь и память о Тамаре.

Уже в вестибюле здания началась "встреча" с Тамарой. Она смотрела она на нас с многочисленных фотографий на стенде. А на столах были результаты ее восьмилетнего неутомимого труда — "Одесский листок", начиная с самого первого номера.

...6 сентября 2008 года в большом зале Русского центра зрители стали свидетелями красочного представления. Почти все песни сопровождалась светозвуковыми эффектами, лучи прожекторов блуждали по сцене, освещая актеров и исполнительниц.

Программа авторского юбилейного представления всецело состояла из песен и романсов Михаила Маргулиса на стихи Владимира Лазарева, Самуила Кура, Лины Соминой, Юрия Зайчика, Тамары Белорусец, а также на стихи автора песен.

На большом экране менялись кадры с видами городов Сан-Франциско и Одессы, сопровождаемые фонограммой песни "Огни Сан-Франциско" в исполнении известного артиста Григория Харика и Иванны Таратулы. Заканчивалась песня словами:

*В краю далекой юности
С тобой расставались мы.
Кто знал, что мы увидимся
Здесь, на краю земли.*

На сцене появился Аркадий Левитин, в прошлом артист Одесской филармонии. Эмигрировав в Америку, он прожил около 20 лет в Сан-Франциско, а потом переехал с западного берега континента на вос-

точный — в город Майами штата Флорида, и вот теперь прилетел в Сан-Франциско, чтобы принять участие в юбилейном концерте давнего друга, — ведь проработали они вместе много лет.

Встреча двух одесситов, Михаила Маргулиса и Аркадия Левитина, здесь, в Америке, для обоих оказалась плодотворной.

В первом отделении зрители насладились чудесным пением.

Проникновенная песня "Танго-Ольга" в память о профессоре, докторе исторических наук Ольге Тугановой, супруге поэта Владимира Лазарева, исполнялась автором музыки Маргулисом, а на сцене в это время в лучах прожекторов блестяще танцевали танго Валерий и Кэрен Касвин.

А элегантный кавалер (Николай Масенков) приглашает графиню (София Дратва) на "Серебряный вальс" (стихи и музыка Михаила Маргулиса).

*Мягкий свет ниспадает на плечи,
Легкий иней на ваших висках.
Я несказанно рад этой встрече,
Метрдотель, пригласите свечи,
Разрешите, графиня, вас
Пригласить*

на "Серебряный вальс".

Второе отделение концерта открылось оригинальным выступлением циркового артиста Олега Бакланова, приехавшего из игровой столицы Америки Лас-Вегаса. Были также выступления фокусников, жонглеров — и немного грустного Арлекина.

Спортивные выступления были включены в программу вечера совсем не случайно — в них участвовали гимнасты Спортивной школы "Peninsula Gymnastics", созданной и руководимой все тем же Михаилом Маргулисом. В ней занимаются 1,5 тысячи ребят в возрасте от 2 до 18 лет под руководством 25 опытных тренеров.

Учащиеся школы продемонстрировали трюки, вызвавшие бурную реакцию зрителей.

А под звуки песни "Девчонка с соседней звезды" выступила акробатическая пара — член сборной команды гимнастов Америки Майкл Джонс с 12-летней девочкой из Перу Бритт Ройше, продемонстрировав высокое мастерство.

Юная спортсменка два года тренировалась в этой школе и стала чемпионкой своей страны по спортивной гимнастике. (После выступления на концерте она улетела в Перу для участия в Южноамериканском чемпионате.)

Очень лирично и душевно виновник торжества Михаил Маргулис пел песню "Танго" на свои стихи и музыку. Во время исполнения песни он спустился со сцены в партер и, подойдя к своей вдохновительнице — жене Анне, пригласил ее на танец, протанцевал с ней несколько па, нежно и благодарно поцеловал ее и усадив на место, вернулся на сцену.

В заключение концерта звучали песни об Одессе.

Сан-Франциско.

Вадим Квиташ

18 сентября в 5 часов вечера
"RUSSIAN CENTER"

ЭСТРАДНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

СВИДАНИЕ С ОДЕССОЙ

Концерт посвящается 200-летию Одессы.

В программе: зрители услышат старые и новые одесские песни, смешные истории и пародийные сценки, отрывки из произведений, посвященных Одессе.

Со страниц литературных шедевров сойдут на сцену Остап Бендер, Мишка-Япончик, Сонька-Золотая ручка, Яшка-Буксир и др. известные персонажи. Мы посетим знаменитый Гамбринус и услышим скрипку Сашки-музыканта, побываем в одесском дворе и насладимся сочным одесским юмором.

Ведут программу артист Аркадий ЛЕВИТИН и Miss Teen California 1987, Best young actresses on day time television NBC 1992 Алла КОРОТ
Режиссер-постановщик Михаил МАРГУЛИС

В фойе "RUSSIAN CENTER" зрители смогут познакомиться с выставкой одесских художников, фотографов, коллекционеров.

После концерта — праздничная дискотека. Работает буфет.

Цена билетов \$12, \$10 и \$8.

Билеты можно приобрести в "Russian Center", JCC и по тел. 1-800-9-ОДЕССА (633-772)

Мария ГУДЫМА

ДАЛЬШЕ — ТИШИНА

"А как у вас с величием души?..." Эта строка из стихотворения Бориса Слуцкого сегодня воспринимается свежо, неожиданно. Ну кто задается в наше время подобными вопросами? Однако задаются. Во всяком случае, герои нового спектакля "День молчания", показанного коллективом единомышленников, назвавших себя "Одесский монотеатр" в Еврейском культурном центре "Бейт Гранд", спрашивают, прежде всего, себя насчет душевного величия.

...Все остальное, кажется, в порядке, Но, не играя в поддавки и прятки, Скажите, как с величием души?

Все началось с пьесы "Ёлка", которую написал известный одесский литератор и художник Игорь Божко специально для актеров Карины Шрагиной и Семена Крупника (не удивлюсь, если окажется, что драма началась со стихотворной строки насчет величия души, но автор о том скромно умалчивает). Пьеса, посвященная памяти кинорежиссера Михаила Каца, была опубликована в последнем номере

литературного альманаха "Дерибасовская — Ришельевская" к началу международного театрального фестиваля "Встречи в Одессе". А незадолго до этого пришел режиссер Евгений Гиммельфарб и превратил пьесу в спектакль "День молчания", который впервые был показан на той же сцене в рамках названного фестиваля, во второй раз — буквально на днях, и запланирован для показа на сцене Русской драмы.

Народный артист Украины Семен Крупник работал с Кариной Шрагиной как режиссер, поставив для нее "Печальный спектакль" по пьесе Клима. Карина сыграла нынешней весной этот моноспектакль в рамках программы международного фестиваля "Интертеатр". Играть ей пришлось ни много ни мало Аглаю Епанчину, которой надо как-то сохранять все то же пресловутое величие души после всех пережитых треволнений, посещать князя Мышкина в психиатрической клинике, втайне надеясь... на что? Неужели на ответное чувство? Ряд смелых допущений был в спектакле оправдан на высоком уровне постановочной культуры. Но на этот

раз Семен Самойлович пожелал быть просто актером. И тоже не прогадал.

...Я знаю, это нелегко, непросто,
Ответить легче,

чем осуществить.
Железные канаты проще вить.
Но как там

в отношенье благородства?
А как там с доблестью,
геройством, славой?

А как там
внутренний лучится свет?
Умен ли сильный?
Угнетен ли слабый?
Прошу ответ.

Предновогодняя встреча старика отца и взрослой дочери выписана драматургом словно на одном дыхании: без заглавных букв и необходимых знаков препинания. Разумеется, актеры "проговаривают" текст согласно нормам русского языка, и паузы делают вовремя, но хороший темп, заданный автором, как и исповедальность интонации, сохраняют. И делают явные акценты в местах, автором же в пьесе подчеркнутых. Еще раз вспомним,

что пьеса-то и писана на конкретных исполнителей, это многое объясняет, делает прощательным некоторый авторский диктат, вроде бы заявленный в тексте. В спектакле никакого диктата не заметно, никакого пережима нет, реплики произносятся легко, естественно, и драматург, выходя на поклон, очевидно мирится с некоторыми купюрами, а также иным, более оптимистичным режиссерским финалом.

Наверное, вот так и должны рождаться спектакли: от обоюдной любви. В официальных театрах нередко приходится видеть, что актеры вынуждены иллюстрировать невроты конкретного режиссера, которых, к счастью, не разделяют. Здесь же совершенно иной случай!

...Артистка цирка, канатоходца и клоунесса, навещает отца-математика, чтобы проводить вместе старый год. А новогоднюю ночь она проведет в самолете, несущем ее на гастроли, по поверью, в небе можно будет увидеть ангелов. Из иллюминатора легче их заметить, так ведь? Но у отца, по традиции, 31 декабря — день молчания.

Именно в этот день много лет назад его покинула жена, мать дочери-клоунессы. Больно до сих пор. Хотя не так уж беспросветно его одиночество, раз пытается дозволиться более молодая коллега. Дочурка ревниво ей скажет, что отец пока не может ответить (он перезвонит позже, сам...).

Не встречая ответных реплик, дочь спешит выговориться ("Мне надо сегодня что-то расставить по своим местам"), рассказать о последних забавных случаях и, что гораздо важнее, о сомнениях по поводу возможности обрести счастье в любви. Карина Шрагина искренне произносит свои монологи, расставляя на столе праздничное угощение, демонстрируя танец из своего нового номера (пластична!), распевая знакомый с детских лет романс (музыкальна!). А целью всех ее рассказов, опять-таки, по Слуцкому, обращение к отцу: "Прошу ответ". Что ей делать с любовью к музыкальному эксцентрику Валерушке, обремененному женой-инвалидом (в пьесе еще упоминается малолетняя дочь, бледный картофельный росток с глазами-блюдами)?! Поддаться чувству? Но как тогда быть с величием души? Вот такой вот, по ее выражению, "ангельский ад"...

Невозможно передать словами все тонкие реакции Семена Крупника на реплики партнерши, они выражаются в движениях глаз, полуулыбках, досадливых движениях плечами... Как этот корифей "школы представления" умеет играть "по Станиславскому", от внутреннего — к внешнему... Когда уж совсем нельзя не прореагировать, отец пишет на огромном листе бумаги рядом со своими математическими формулами: "Ты всегда была колючей девочкой, — поэту я и звал тебя не Леночкой, а Ёлкой", "Ты забыла рассказать мне об ангельском аде", "Я гений"... А потом, вынырнув из внезапного провала сознания (Семен Крупник сыграл этот жуткий момент "спиной", да так, что зал ахнул и подался вперед — подхватить), заговорил, потому как кто же скажет неразумной дочери про высший дар любви, которого удостоивается далеко не каждый, и который грешно отвергать. При всем величии души.

Леночка-Ёлка упорхнет в свою новую, будем надеяться, счастливую жизнь, и ангелы наверняка заглянут сегодня к ней в иллюминатор.

Последние минуты спектакля — торжество замечательного актера Крупника. Похоже, отец и сам кое-что понял, утешая дочку. Более молодая коллега вот-вот придет на новогодний ужин, поэтому домашняя куртка сменяется элегантным костюмом с "бабочкой", на столе вместо банальных салатиков появляются фрукты, шампанское, свеча. И завершается спектакль звонком в дверь — два коротких, один длинный. Мы уже знаем, кто это. Хорошо, что успела. За новым, счастливым поворотом сюжета зрителя следить не приглашают.

Мария ГУДЫМА.
Фотографии Игоря Божко.

Борис РУБЛОВ

ФЕТИШИСТКА

1

Впервые я увидел эту девушку в бывшем магазине грампластинок, который теперь специализировался на продаже компакт-дисков и видеокассет.

Возле стеллажа, просматривая оперные поступления, я услышал странный разговор. Женский окаящий голос спрашивал, ожидается ли новый комплект записей Владимира Высоцкого.

Ответ продавщицы был обычным: "Наведывайтесь".

Голос не унимался:

— Понимаете, девушка, меня не будет в Москве три недели. Диски могут разобрать!

— Что же я должна делать? — сварливо спросила продавщица.

— Нельзя ли принять у меня заказ? Я наклею марку на открытку.

— Заказов не принимаем.

— Ну, пожалуйста, для меня это очень важно.

— Что вы за цаца такая, чтобы для вас делать исключения?

— Я жена Володи Высоцкого.

Наступила тишина, я обернулся и увидел у прилавка миловидную девушку лет двадцати, стандартную (таких можно встретить во время любой прогулки), с ладно скроенной фигурой, завитками льняных волос под беретом и широко открытыми голубыми глазами. Вместе с тем в ней чувствовалась напряженность, скрытый вызов, готовность дать отпор. Но все молчали, и, попрощавшись, она с огорчением вышла из магазина.

— Эту фифу я вижу уже не в первый раз, — с презрением прошипела долговязая тощая продавщица, покрутив пальцы возле виска. — Девке едва за двадцать, она родилась, когда Володя уже покоеился на кладбище. Выходит, он приходит к ней с того света?

Девушка в задумчивости присела на скамейку напротив магазина. Рядом лежал берет, и ветер ласкал ее растрепанные волосы. Тоска и безнадёжность застыли в ее глазах.

Я не выдержал:

— Могу вас порадовать. На днях я прочел о выпуске в Германии компакт-диска со всеми песнями Высоцкого.

— Боже, какое счастье! — воскликнула девушка. — Пожалуйста, расскажите о новом диске, он дорогой?

— Нужно иметь компьютер или DVD-плеер.

— Придется на него заработать, — с огорчением сказала девушка. — Не так просто быть женой Высоцкого, но Володя мне поможет. Вы не представляете, как тяжело жить, когда окружающие относятся к тебе с насмешкой и презрением, но я не могу скрывать любви к Володе и нашей с ним связи. Представляете, всего три года назад я приехала из Вологды поступать в техникум и ничего не знала о Высоцком!

На практику меня послали в мастерскую в здании Театра на Таганке. С этого момента все началось поехало. Сперва я посматривала на халеву спектакль про Володю, потом весь отпуск — две недели — провела в его музее. Бесплатно мыла там полы. Из музея меня турнули за то, что я на афише выколола глаза Марине Влади. Вызвали милицию, но я смогла скрыться.

Сейчас подрабатываю уборщицей в Театре на Таганке. Не раз пробиравшись в Володину грим-уборную, где еще сохранился его запах. Удалось украсть остаток красок, которыми он гримировался, две старые афиши. Завалившийся женский носовой платок с монограммой, наверно, от любовницы, я сожгла. Век буду благодарна, если сможете мне достать новый диск. Только вот невезуха — тетка в Вологде помирает. Надо помочь старухе отойти, как говорят, в мир иной. Она много для меня сделала. Так может, вы, дорогой

человек, купите у себя в Германии диск Володиных песен? Деньги я потом верну.

— Мне нужно знать ваше имя и адрес!

— Зовите меня на "ты", я ведь молодая. А любителю Высоцкого отгадать мое имя не проблема. Вот вам подсказка.

Девушка сняла и положила на скамейку свой плащик и закатала левый рукав блузки. На тонкой руке был вытатуирован портрет Высоцкого.

— Принимаете подсказку?

— Валя, что ли? — неуверенно спросил я.

Она вся засветилась и готова была от радости броситься мне на шею:

— Помните? "...Я ношу в душе твой светлый образ, Валя. А Алеша выколол твой образ на груди". Иной раз мне говорят: "Может, ты Милка, что жила со всей Ордынкою?". Не бойся, мой Володичка. Твоя жена пока никем не тронутая, целомудренная. Вот он, мой адрес. Телефона только нет. Еще раз спасибо.

На записке значилось: "Большой Каретный".

2

Диск я смог купить только через год и решил навестить Валу.

Дверь за двумя засовами открыла молодая женщина с высокой грудью и раздавшимися бедрами. Мы не сразу узнали друг друга. Валя провела меня в узкую и длинную, как гроб, комнату чудом уцелевшей коммуналки.

На узком подоконнике — герань, на окне — занавески в разводах. Стены увешаны афишами и фотографиями Высоцкого. На портрете с ним у Марины Влади выколоты глаза. Проследив за моим взглядом, Валя злобно сказала:

— Тоже мне, "скалолазочка"! Зубы скалила, а Володю предала.

Спорить с ней я не стал. У нее уже был DVD-плеер и старенький компьютер для прослушивания.

— Плохи мои дела, Жур, — грустно сказала она. — Имя у вас такое чудное. Лучше Шура или Шурик? Потеряла я себя. Не сберегла чистоту для Володички. В наказание он ко мне по ночам во сне являлся перестал. Оболотил и завалил меня в постель один актер с Таганки. Купил за проигрыватель, за контрамарки на юбилейные вечера Володи, за две рукописи, украденные из его архива. Этот совратитель, змей хитрый, догадался, как добраться до моей постели. Предложил погасить в комнате свет и громко включить проигрыватель дисков Высоцкого. Ничего у нас тогда с ним не вышло. Но на следующую ночь он принес плеер и надел мне наушники. Как только Володины песни вошли в меня, я обо всем на свете позабыла. Так обманом он меня взял.

Потом мы пили с Вали водочку, закусывая, как Володя, брусничкой. Захмелев, она начала жаловаться на одиночество, приставания мужчин, тоску по Володе, унижения и насмешки, которым подвергается их любовь. Потом, подойдя ко мне вплотную, сказала, что хотела бы меня отблагодарить:

— Ты, Шурик, открыл для меня новый мир Володиных песен. Терпеть не могу первого любовника за то, что из ревности ругает Володю. Мол, был алкоголиком, наркоманом, и росточка малого, с меня. Это правда? А что бабник, так он и не скрывал, когда пел: "Я теперь свои семечки сею на чужих Елисейских полях". И ежику в тумане ясно, что не только там. Ты, Шурик, человек ученый, наверно, как пел Володя, "доцент с кандидатом", не то что поганая театральная шушера, которая меня обхаживает.

Она села ко мне на колени, обняла правой рукой за шею, а левой, прерывисто задышав, начала рас-

стегивать мою рубашку. Я отстранился, и она сразу сникла:

— Простите меня, непутевую жену. Честно говоря, мне теперь даже безразлично, с кем. Я на диск для плеера записала три песни "для подготовки", а четвертой ставлю свою заветную:

"Я поля влюбленным постелю,
Пусть поют во сне и наяву,
Я дышу, — и значит, я люблю,
Я люблю, — и значит, я живу".

Как только он затынет своим голосом: "влюблeeeeеенным...", я впадаю в блаженство, и никого мне больше не надо.

"...Я не чиста теперь, как снег зимой, сквозь пальцы просочился яд измены..."

Это про меня Володичка писал:

"Я надеялся втайне,
Что тебя не листали, —
Но тебя, как в читальне,
Очень многие брали".

Обхватив пальцами льняные волосы и склонившись над столом, Валя горько заплакала. Слезы ручьем стекали на белую скатерть. Она казалась совсем юной, незаслуженно наказанной судьбой девочкой, и я ласково погладил ее вздрагивающие от рыданий плечи. Валя подняла залитое слезами лицо, взяла меня за руку и вдруг спросила:

— Шурик, а что такое "энергетика"? Это слово каждый день я слышу в театре, когда тайком пробираюсь на репетиции и прячусь в задних рядах.

— Думаю, что речь шла о воздвигавшемся от рыданий плечи.

— Значит, Володины песни тоже энергетика?

— Несомненно, ты сама привела пример воздействия на тебя песни о влюбленных.

Когда мы тепло прощались с Валий, я не думал, что категоричность моего ответа повлияет на судьбу этой молодой женщины.

3

Через полгода после нашей встречи в телефонной трубке раздался взволнованный окаяющий голос Вали:

— Простите меня, Шура. Это Валя Высоцкая. Мне удалось помянуть фамилию. У меня неприятности. Подзалетела я.

Слово это у женщин имеет разный смысл, но в данном конкретном случае сказанное сразу стало понятным.

Мы договорились встретиться на следующий день в недорогом кафе на Большой Дорогомиловской, где я иногда обедал. На всякий случай со мной были все имеющиеся деньги, сумма которых, к сожалению, не достигала и сотни баксов.

Возле кафе я увидел округлившуюся фигуру женщины в черном плаще и косынке, из-под которой вывалились светлые кудряшки.

— По-видимому, ситуация сложная, если она в черном, — подумал я. — Может, у нее кто-то из близких умер?

Увидев меня, Валя просияла, и мне стало стыдно своего иронического отношения к фанатичной взбалмошной молодой женщине.

Я помог ей снять плащ — срок родов был не за горами.

— Мне пришлось потревожить вас, Шурик, речь идет о его судьбе, — сказала Валя, показав на свою округлившуюся талию. — Доктор обещал, что родится мальчик.

Дальше последовал долгий сбивчивый рассказ:

— Среди постылых ухажеров у меня был вроде друг, театральный фотограф. Потом выяснилось, что никакой не друг, и не враг, просто так, очередной любовник. Всех их, кобелей, когда увидели мою талию, будто ветром сдуло. Ну, да черт с ними. Костя знал Володю много лет и часто его снимал на сцене и в жизни. Он принес мне сотню фоток, чтобы их продать на кладбище

и подзаработать. Среди них был молодой Володя с первой женой Люсей Абрамовой и сыночком Аркашей. Я как его увидела — слезы ручьем. Ночами не сплю, плачу. Мне бы такого, но чтобы от Володи. Костя мне говорит: "Ты что, очумела? Он же на Ваганычовом!".

Тут я вспомнила про энергетика Володиных песен и поделилась своим планом с Костей. "Хорошее дело, Валя, давай попробуем, — сказал он. — Классный проигрыватель и наушники я тебе принесу. Но сама понимаешь, у меня жена, двое детей. Третьего ребенка я материально не осилю, но помочь тебе готов. Люби меня под музыку, как ты бы любила его".

Валя горестно задумалась. Морщинка прорезалась на ее виске. Появились темные круги под глазами. Сдвиг опустившийся до глаз светлый локон, она продолжала:

— Короче, в поликлинике мне сказали, что идет четвертый месяц. Я сходил в храм Богородицы, приняла крещение. Посещаю молебны. Даже для себя вариант молитвы придумала. Вначале, как обычно: "Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твое...". Но после важных для меня слов про хлеб насущный, прощение долгов наших, добавляю: "Не вводите меня в искушение, избавить от лукавого, послать от Володи здорового сыночка". Про себя я твердо решила — дожидаться родов и выяснить, от Володи ли мой ребенок. Если от кого другого — сдать маленького в детдом, а сама порешу себя. Мне жизнь без его кровиночки не нужна.

Взгляд молодой женщины стал суровым, и выглядела она измотанной, похудевшей, но полной решимости осуществить задуманное:

— Я, Шурик, к вам обратилась за советом как к человеку образованному. Каким образом можно установить отцовство? Говорят, есть специальный анализ, но врачи-кривососы должны взять кровь у младенца. Как подумают об этом, вся холодею. А дальше что? У Володички кровь не возьмешь! Говорят, можно взять слюну, пот или волос. Но где их достать? Одна знахарка сказала, что ей для этого достаточно одной фотки. Этого добра у меня пруд пруди, но можно ли ей верить? А вдруг обманщица? А у меня вопрос жизни или смерти! Пожалуйста, дорогой человек, помогите мне советом.

От денежной помощи Валя категорически отказалась. Мы договорились встретиться с ней через неделю.

Я понял, что влип. Судьба безумной молодой женщины не на шутку взволновала меня. Что делать? Уговоры, увещевания не помогут. Нужна спасительная неправда, ложь во благо жизни. Нужен опыт, которым я не был умудрен. Жалко Валу, но подспудно росло раздражение против нее. Как просто ей было распорядиться судьбой беззащитного ребенка, зреющего в утробе. Правда, свое невинное дитя она не обрекала на смерть, но проявляла равнодушие к его дальнейшей судьбе! Знала бы она, как тяжело оказаться подкидышем!

"Ты меня подобрал
на камнях мостовой,
Куда выброшен я был
родною семьей,
Как последний щенок.
Ты нашел и помог, и спас..."

Всю ночь мне снились сцены из знаменитого мюзикла, но чтобы будущий ребенок не стал беспризорным, надо было спасать его мать.

4

Прошла неделя после встречи с Валий, но придумать убедительного обмана я так и не смог. Друг предложил связаться со знакомой прорицательницей, способной обвести вокруг пальца самого черта.

Она имеет контакт с поликлиниками и выясняет диагнозы своих пациентов. Нужно знать фамилию "моей" пассии и адрес женской консультации.

Пришлось рассказать другу Виталию всю правду и занять у него деньги для знахарки. Он согласился сам ее посетить, а мне приказал с девушкой два месяца не встречаться. Только сообщить ей адрес знахарки.

На праздник Валя пригласила меня на пироги. Выглядела она счастливой — исчезли круги под глазами, лицо разгладилось, а при улыбке симметрично появлялись две ямочки на щеках. Думаю, что Высоцкий не прошел бы мимо такой очаровательной женщины.

Валя радостно затарахтела, перемешивая слова благодарности со сбивчивым рассказом, и пару раз делала попытки меня поцеловать:

— После нашей последней встречи настроение у меня было — хоть в петлю. Появлялись удручающие видения. Например, вроде иду я по Таганке, а в потоке машин Володя Высоцкий за рулем. Я кидаясь к нему навстречу. Гудки. Скрежет тормозов. Падаю. Постоялой прерывает движение. Володя поднимает меня с мостовой: "Что с тобой, девочка?". Обнимает, а вместо лица у него постылая пьяная рожа одного из моих любовников. Потом, когда вы, Шурик, позвонили, мне стало спокойнее. Целительница Ярославна — женщина не старая, симпатичная, сама из рода врачей-лечителей, живших в Речи Посполитой, это где теперь Польша. Понравилось мне, что магия у нее не черная, а белая, и деньги она берет только за талисманы, обереги, лекарства, церковью освященные. Ярославна велела мне раздеться догола, бросила нижние вещи в огонь, чтобы отошла скверна. Приказала не носить больше монашеского наряда, мол, это противоречит вере. Потом меня осматрела, послушала с трубкой, попила настоем из трав, и мы приступили к разговору. Как было договорено с ней заранее, я принесла фотки десяти разных мужчин, а среди них и Володин портрет. (Здесь я ее проверила — на фотках разные мужики, в том числе и вы, да и Высоцкий выглядел так, что не сразу узнаешь.) Потом от напитков меня сморило, и я легла на лежанку. Ярославна все фотки перемешала и говорит:

— Как проснешься, посчитай. Отец твоего ребеночка седьмой сверху.

Проснувшись, я встала, босиком подошла к столу, руки дрожат, боюсь сбиться со счета. Дошла до семи — глаза от страха зажмурились. Открываю — он, мой Володичка. Ярославна тут как тут:

— Если есть сомнения — сама перетасуй фотки, глаза закрой, а седьмую выложи в центр. Опять выпал Володя. Счастье-то какое! Потом Ярославна мне говорит:

— Ребеночек твой хороший.

Мальчик. И срок беременности указала точно, неделя в неделю, как в поликлинике...

После этого разговора связь с Валий прервалась. Телефона она не имела, а меня три года не было в Москве. От Ярославны Виталий узнал, что у Вали родился хороший мальчик, и она счастлива.

В один из свободных майских дней, погуляв по любимому мной Арбату, я купил билет в кинотеатр "Художественный", где давали фильмы с участием Высоцкого. Днем зрителей в зале было немного. Начался фильм "Опасные встречи", и в соседнем ряду раздался знакомый голос:

— Смотри, смотри, Вовочка, это твой папа.

После окончания сеанса я постарался первым выйти из зала. Через пять минут, ослепленная вечерним солнцем, вышла нарядная Валя, держа за руку симпатичного мальчишка. Сходство его с маленьким Володей Высоцким из альбома было несомненным, но, как известно, часто малыши напоминают друг друга.

Кельн, Германия.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЮРИЯ ЕГОРОВА

Эта беседа состоялась десять лет тому назад. К счастью, сохранилась видеозапись, и удалось восстановить текст разговора.

Этот выпуск тележурнала "Конец века" мы посвящаем одной теме, вернее, одной личности. В искусстве табель о рангах совершенно неприемлема. Это не чиновничество, где можно говорить, кто чиновник первого класса, кто второго. И тем не менее, для меня художник Юрий Егоров на протяжении очень многих лет — фигура первой величины в художественной жизни Одессы. И поскольку я всегда говорил, что личность в творчестве определяет все, я рад, что сегодня с вот такой личностью мы можем познакомить телезрителей. Итак, мы в мастерской художника Юрия Егорова.

— Наш журнал называется "Конец века". Для меня 19-й век кончился, может быть, не 1 января 1901 года, а с началом мировой войны. И если говорить о художественных его итогах, — это импрессионизм, постимпрессионизм и главное, наверно, — Сезанн. А как ты воспринимаешь конец 19-го века в художественном плане — и конец 20-го века, опять-таки, в художественном плане?

— Я думаю, что в живописном плане то, что произошло, собственно, конец 19-го века так аукнулся и так откликнулся в 20-м веке, что трудно даже сказать, выше ли результаты того или этого века. Но все то, что произошло в 20-м веке, естественно, было обусловлено концом 19-го века. Плеяда совершенно потрясающих художников, которые частично и получили то возмещение ужасного пренебрежения общества, те великие художники, которые были, собственно, первыми дрожжами того, что произошло в 20-м. А все эти художники 20-го, во всяком случае, не все, но большая их часть, получили как бы компенсацию вниманием общества, восторгами его и даже огромным благосостоянием, огромными возможностями. Такие художники, как Пикассо, Леже, Брак, — конечно, их судьба не сравнима с теми, кто кончал 19-й век, с величайшими художниками нашего времени.

— Я понимаю, что искусство любого века не отменяет искусство предыдущего века. Это, в конце концов, не спортивные соревнования, где есть какой-то лидер, который пробежал за столько-то секунд, а в следующий раз увеличивает рекорд. Но, тем не менее, очень часто так бывает, что в своем веке чего-то не разглядываешь из того, что происходит. Так в 19-м веке действительно не разглядели очень многих художников, к которым слава пришла в 20-м. Меня иногда пугает, что я уже перестаю обращать внимание на всех этих новейших концептуалистов и т. д. И я начинаю бояться: а не стану ли я таким же, может быть, архайстом, и уже не ощущаю каких-то новаций? Ты в себе такого не замечаешь, не боишься этого?

— Это для затравки очень хороший вопрос. Потому что я прошел весь свой творческий путь в концепциях, далеких от ультрапередового, так сказать, искусства. Но я могу честно совершенно сказать, что я чувствую на сегодняшний день. Если говорить о "левом" искусстве, может быть, я буду неточен с искусствоведческой точки зрения, — конечно, такие художники-модернисты, как Кандинский, Пикассо, Вазарелли, для меня являются вершинами в искусстве. Но сегодняшнее состояние авангарда меня не устраивает. И оно меня не устраивает даже не потому, что я как-то лично не могу проникнуться, оно меня не устраивает, так как мне кажется, дело идет к тому, объективно, чтобы исчезла живопись как самоценный и абсолют-

но ни с чем не сравнимый вид искусства. Потому что если огрублять конструкцию, то она выглядит так: чем меньше авангардное изобразительное искусство имеет предикаты изобразительного искусства, тем, оказывается, оно более передовое. Я могу привести простейший пример — так, несколько с ходу. Может, я не вполне раскрою мое отношение, но тем не менее.

Венецианская выставка. Смотрю журнал — не помню, какого года, во всяком случае, не столь отдаленного. Один шедевр венецианской выставки: две пустых комнаты, в которых ничего нет, по-моему, даже и окон нет. Они посыпаны не то песком, не то каким-то гравием, не то черт знает чем — чем-то они посыпаны. И в этом, оказывается, и все достижение. Честно говоря, сколько бы я ни думал, как бы я себя ни относил к консерваторам, я не могу проникнуться этой идеей. Не знаю, может быть, этот пол посыпан чем-то таким красивым, — разве что. Может быть, на репродукции я чего-то не увидел, но в то же время я почти уверен, что этого нет, потому что именно авангардное искусство совершенно игнорирует эстетическую сторону.

— Мне кажется, что нынешнее авангардное искусство отбрасывает изобразительное искусство в литературу. Оно все сугубо литературно, философично, театрално. Это некий симбиоз театра и литературы. Если раньше искусство боролось против литературщины...

— Да, как ни странно... Мне сейчас пришел в голову один эпизод из чаплинского фильма. Думаю, он кое-что объясняет в том, о чем ты сказал. В фильме, как всегда, погоня. Естественно, Чаплин убегают, а за ним гонятся полицейские. В пылу этой бестолковщины он прыгает на какие-то аттракционы, на крутящийся круг. Естественно, что круг заставляет его бешено бежать навстречу движению круга. Естественно, что обалделые полицейские тоже прыгают на этот круг. И так они бегут какое-то время. Потом Чаплин, чтобы проверить соотношение сил, оборачивается и в ужасе видит, что полицейский вот-вот схватит его за шиворот. Он надает и — о странность! — парадоксальная ситуация: уже полицейские убегают, а Чаплин гонится за ними.

Вот это то, о чем ты сейчас говорил. Ситуация совершенно парадоксальная. Именно то, что считалось ужасающим пороком, во всяком случае, в определенной среде хороших художников, и особенно попирались принципы соцреализма и т. д., оказалось вдруг таким передовым! Это раз. А во-вторых, то, о чем я начал говорить. Когда на выставке живописи ты вдруг видишь приклеенные или приклеенные кусочки машинописного текста, — к доске или еще к чему-нибудь, — я, кроме удивления, ничего не испытываю. Более того, если бы удивление это оставалось — это еще куда ни шло, но испытываешь дикушку.

И еще я себе позволяю привести в этом плане один пример. Скажем, очень известный художник, Кабаков. С моей легкой руки у нас была легкая полемика, затеянная в Союзе художников. Дело шло о таких довольно опасных пируэтах, которые затевали молодые художники, — конечно, очень передовые. И вот я им задал вопрос очень простой. Не буду называть фамилию. Я говорю: "Вот вы, конечно, знаете этого художника, авангардиста, который недавно в Америке получил какую-то крупную очень престижную премию. Я вам назову два его произведения. На одном на серых досках, на которых обычно в военкомате какие-нибудь диаграммы вывешивались или относящиеся к военкомату атрибуты, на такой доске прибита или, извините, присобачена лопата. И текст: "Чья это лопата?". Слева текст с вопросом, справа ответ: "Иван Петровича такого-то лопата". Ну, и другое произведение. Ситуация — почти то же са-

мое, только вместо лопаты кружка, а вместо вопроса — опять-таки вопрос "Чья это кружка?", и — "Берты Моисеевны кружка". Вот я им задаю вопрос совершенно закономерный. Вот этот из ряда вон выдающийся художник, очень известный, собственно, мировую известность имеет. Естественно, что два его произведения должны стоить очень дорого. Я вам, так сказать, умозрительно даю миллион долларов и прошу, — по условиям железные, — вы должны купить только одну работу из этих двух. Какую вы возьмете? Простой вопрос. Увы, все сели в калошу. Потому что обосновать, почему он возьмет в одном случае кружку, а в другом случае лопату, невозможно. Сами понимаете. Здесь и возникает ответ на вопрос. Потому что все-таки, когда мы определяем и отделяем искусство от обычной другой сферы, которая является не искусством, одним из атрибутов этого является предпочтение.

— Ты работаешь больше сорока лет. Я помню первые твои северные петербургские импрессионистические вещи — и вот мощные вещи последних лет. Путь, по-моему, естественный. По-моему, даже естественно то, что в твоём пути был период сурового реализма, в 60-е годы. Чему ты сегодня отдаешь предпочтение — поскольку это слово было произнесено, — как ты сам относишься к тому, что делал на протяжении сорока лет? Считаешь это все естественным или считаешь, что какие-то периоды были искусственно...

— Какие-то периоды следует зачеркнуть, что ли?

— Не зачеркнуть. А скажем так, что они были спровоцированы государством, жизнью.

— Нет, я должен сказать, что у меня не было таких периодов, которые бы я мог с таких позиций переосмыслить. Другое дело, что так — художникам всегда так приятней думать. Тем не менее, мне кажется, что сегодняшнее мое состояние как художника все-таки выше того, чем я был в более отдаленные времена. Скажем, даже в период сурового стиля. Постараюсь очень кратко, но объяснить. В период совсем ранний, когда я писал северные сказки, это — я условно буду называть — это был врубелевский период. То есть период Врубеля как наиболее мощного, яркого, что ли, носителя концепции "Мира искусства". Потому что "Мир искусства", конечно, на меня произвел в свое время колоссальнейшее впечатление, и он окрасил целый ряд лет. Я был под магией этого замечательного явления в русском искусстве.

Но тот период так называемого сурового стиля — он, опять-таки, был чем вызван? Я был очень потрясен в свое время поэмой Блока "Двенадцать". И вот то бесконечное шатание в восприятии революции, которое Блок так, казалось бы, безоговорочно утвердил в своей великой поэме, оно... И тем не менее, я должен сказать, что Блок — ну, может быть, тоже самонадеянность, — но я думаю, что Блок не всегда был так уверен, как он был уверен в поэме. И вот то же самое владело мной. Потому что, когда приходишь к идее и когда видишь, что идея совершенно опровергается каждым прожитым твоим днем, и когда делаешь усилие и опираешься на какие-то другие авторитеты, и потеряв веру, вдруг опять прочитаешь у Маяковского: "Пройдут года сегодняшних тягот, летом коммуны согреет плита, и счастье сладостно огромных ягод дозреет на сегодняшних октябрьских цветах". И начинается опять это самое. Опять ты верующий, и опять каждый день опровергает твою веру. Но я говорю к чему? Тем не менее, совершенно искренне написал картины и "Солдаты Октября", и "1918-й год". Но рождаются новые пластические идеи, для которых сегодняшний твой язык не годится. И ты начинаешь опять бешено работать задними ногами, стена почти

отвесная, щебенка осыпается, ты опять съезжаешь, но, во всяком случае, при отдельных удачах ты понимаешь, что все-таки ты на метр или два уж выше, чем был вчера.

— Мне кажется, что последние лет 8-10, я наблюдаю по своим ощущениям, ты вышел на какой-то совершенно другой уровень. По-моему, это монументальные вещи с какой-то, я бы сказал, вроде бы застывшей пластикой, но в них есть ощущение пружины, очень мощной. Только кажется, что оно вне движения, понимаешь, что там есть такая сила, такая возможность движения, что когда-нибудь произойдет взрыв, который все разрушит, все прорвет и т. д. Этот твой период, твои великолепные натюрморты, обнаженные, пейзажи — как ты к этому пришел? Конечно, если ты сам можешь это определить. И еще: твое ощущение моря.

— В том, что ты сказал, мне очень понравилось это твое определение. Хочу сказать, что оно второй раз уже услышано мной. Первый раз я его услышал, прочтя совершенно замечательную статью в моем каталоге. Там была такая фраза... Там разбирались мои пейзажи, и по поводу одного пейзажа было сказано, что возникает ощущение: в пейзаже — это навсегда. Вот это "навсегда", эта концепция как бы застылости, вот это бешеное статическое напряжение... Да, это не статика, это скрытая динамика. На мой взгляд, это скрытая динамика. Это очень сильная потенция. По-моему, это то состояние грозы, когда еще все готово к грому, но он еще не грянул. Я море ощущаю, но пойми правильно, я не делаю сравнение, для того чтобы кого-то понизить, кого-то повысить, — а чисто концептуально. Для меня море — это, прежде всего, не вода, а зримый образ бесконечности. Потому что бесконечность как идея вне живых ощущений такова, что мы ее все-таки по-настоящему осознать не можем. И тот толчок направления осознания бесконечности море нам дает. Когда эта пустынная гладь под легким ветром уходит, уходит, уходит в бесконечность... Мы понимаем, что мысль не бесконечна, но мы получаем возможность ощутить ее в наших земных возможностях. Поэтому для меня море является притягательной уникальной возможностью показать свое восприятие бесконечности.

— Мы с тобой прожили в этом городе много лет, и я все время ощущал, что мы действительно жили среди тех, кто делал большое искусство. Многие из них в какой-то мере недооцененные — сегодня — и Фраерман, и Соколов, и очень многие другие. Нет ли у тебя ощущения, что вот сейчас среди нас в этом городе есть люди, которых мы, может быть, недооцениваем?

— Сразу начну с Фраермана, потому что это человек, который в моей жизни сыграл совершенно замечательную роль. Я его глубоко почитаю и как очень оригинального человека, очень одинокого, которого я застал уже совсем на склоне лет, — это был закат. Он преподавал в училище. Скажать, что его преподавание мне что-то дало, я не могу, — у него отдельные высказывания бывали, вероятно меткие, потому что этот человек был в плане эстетики, в плане искусства очень высоко стоящий, — конечно, он был на десять голов выше тех, кто его окружал в училище, в частности. Он немножко меня отлучал среди студентов, я с удовольствием показывал работы. Как-то однажды он даже попросил подарить ему одну работу, но, к сожалению, обстоятельства сложились так, что это в то время была моя любимая девушка, которую я написал, и это была бешеная удача. И портрет понравился всей семье этой девушки — они вцепились в него, естественно, мне оставалось только быть счастливым ей его подарить. Поэтому я сказал Фраерману, если можно, то какую-нибудь другую работу. Увы... Я был

пару раз у него и видел его небольшие гуаши, которые производили на меня очень сильное впечатление. Но я должен одну вещь сказать: сегодня они на меня производят более сильное впечатление. Это действительно первокласснейший художник, и это первоклассные работы.

Что касается сегодняшних художников, я могу сказать только, кого я считаю... Я могу ошибаться точно так же, как всем нам это присуще. Я дружу с несколькими художниками. Часть из них уехала, к сожалению. Я был в большой дружбе с Сашей Ануфриевым, с Межбергом. Сейчас я по-прежнему остаюсь в очень хороших близких отношениях с Басанцом, с Маринюком, с Цюпко. Конечно, и мой сосед по мастерской Орест Слешинский. Вот так вот приблизительно. Я думаю, что это та среда, которая... Я был в Лондоне, видел английских художников. На мой взгляд, — может, я опять ошибаюсь, — думаю, что они не только не ниже, чем-то они выше тех современных английских художников, которых мне удалось увидеть, когда я был там.

— Я тоже думаю, что наши художники ничем не уступают сегодняшнему — если можно говорить о каком-то европейском уровне, — и делают свое дело и честно, и по-настоящему творчески. То есть больше думают о творчестве, чем даже о деньгах, хоть об этом совсем не грешно думать. И наверно, самый последний вопрос. Мы уже начинали говорить о творческих союзах. Я помню, и я боролся в юности против косности творческих союзов, и ты выступал против.

— Это все началось с той ужасной "комсомольской катастрофы", которую потерпел Женя Голубовский в нашем городе. Шучу. Но ведь тогда, на том знаменитом диспуте в Политехническом, мы познакомились, в 1956 году.

— Но сегодня как ты относишься к творческому союзу, считаешь ли ты, что он нужен, или это мастодонт, который нужно реформировать?

— Нет, упаси Бог! Союз художников — да, но я думаю, что все равно это временное явление. Другое дело, что на мой век этого явления вполне хватит. Сейчас все в полном ничтожестве. Те начальники, перед которыми трепетали очень иногда талантливые, но рядовые художники, как тогда выражались, простые советские художники, и трепет был не беспочвенный, потому что могли оставить без работы, без мастерской, без чего угодно... Союз распоряжался всеми материальными благами, а они были немалыми. А на сегодняшний день так или иначе, но Союз хотя хилая организация, хотя дырявый щит, но все-таки это щит для художников. И я всегда буду на стороне тех, кто будет защищать его и отстаивать его жизнеспособность.

С тех пор мы беседовали с Юрием Егоровым много раз, отмечали пятидесятилетие нашей дружбы. Его мысли, взгляды оставались теми же в 2008 году, что и в 1998. И все же некоторые дополнения из того, о чем он говорил позднее.

— Олег Соколов был красной тряпкой для "быков" из Союза художников, он был необходим как раздражитель, как нарушитель спокойствия. Позднее такой "красной тряпкой" стал Шура Ройтбурд, самый значительный из живописцев, пришедших в 80-е годы. Мне очень многих не хватало: Ацманчука, Токарева, вот нет уже и Степанова, и Межберга. Вместе мы были сильнейшие. Мы понимали, что есть живопись, и что не есть живопись.

— Я трудолюбив. Только перед еще не законченным холстом жизнь наполняется смыслом.

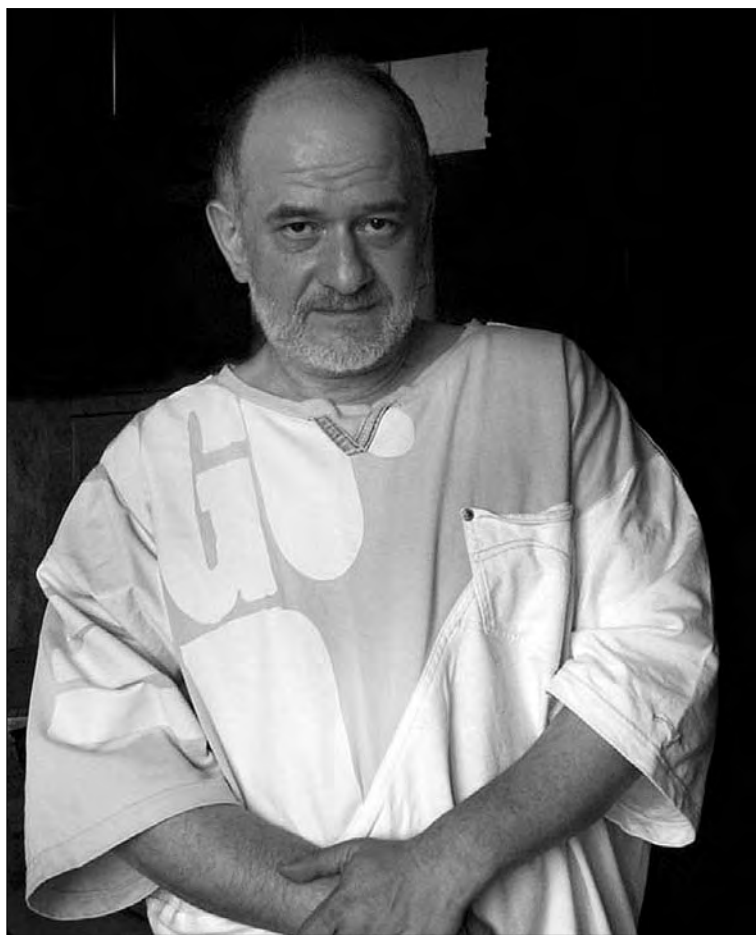
Из самого последнего разговора в конце сентября 2008 года:

— Посмотри мои работы этого лета. Они все у Толи Дымчука, в них еще больше света...

1998-2008 гг.

Михаил РАШКОВЕЦКИЙ

РОЙТБУРД. 16 ЛЕТ СПУСТЯ

В 1992 году во "Всемирных одесских новостях" была опубликована моя статья "Александр Ройтбурд и его роль". Заканчивалась эта статья таким абзацем:

"...Ройтбурд способен и желает дать городу гораздо больше, неизмеримо больше, чем дает сейчас. Но город не торопится узнать об этом и предоставить ему такую возможность. Впрочем, это относится ко всем талантливым художникам Одессы. А наша статья посвящена Ройтбурду и его роли. Он один из ведущих одесских живописцев второй половины 1980-х — 1990-х годов XX века. И эту роль Ройтбурд играет как настоящий артист, что на международном языке и означает — художник".

В 2008 году в NT-gallery А. Дымчука состоялось открытие первой в Одессе персональной выставки живописи А. Ройтбурда, на котором был презентован солидный каталог. Еще в 1999 году галерея "Либерти" показала графику Ройтбурда "Помпейский цикл".

Что изменилось за это время?

В 1992 Ройтбурду было чуть за

тридцать, он был молодым не только согласно официальным критериям возраста "молодого художника". Само его творчество, никак не вписывавшееся в традиционные рамки "одесской живописи", его задиристость и провокативность определяли несколько снисходительное отношение к нему как художнику "незрелому", талантливому, но "не очень серьезному". Это отношение со стороны местного истеблишмента (в первую очередь, художественного) не могли поколебать ни признание на республиканских и всесоюзных выставках, ни многочисленные приглашения участвовать в престижных зарубежных проектах, ни премия Академии художеств, ни факт включения его работ в коллекцию Третьяковской галереи и (даже) — в экспозицию Одесского художественного музея.

Попытки Ройтбурда "привить" одесскому художественному древу ветвь "современного визуального искусства" оказались более успешными, нежели усилия одесских постконцептуалистов конца 1970-х — начала 80-х. Почти все постконцеп-

туалисты либо переехали в Москву, где и чуть ли не триумфально реализовались как художники *contemporary art*, либо (оставшиеся в Одессе) отошли от активной художественной деятельности.

Ройтбурд в начале 90-х сумел объединить представителей различных поколений — старших "симпатиков" нового искусства (Ф. Кохрихт, М. Жаркова), своих ровесников (В. Рябченко, С. Лыков, Е. Некрасова, У. Кильтер) и молодых инсургентов "нетрадиционной художественной ориентации". Конечно, движение это не было монолитным, сопровождалось многочисленными внутренними спорами, конфликтами и раздорами. Но попробуйте найти даже в мировой истории модернизма начала XX века движение, продолжавшееся более 10 лет!

Бурлящая и будоражащая активность Одессы в области современного визуального искусства на протяжении почти 10-летнего периода прошла "под знаком Ройтбурда". И это проявлялось даже в тех случаях, когда речь шла о деятельности "внутренних" оппонентов, то есть представителей одесского современного искусства, прямо или косвенно уклонявшихся от влияния ройтбурдовского магнетизма.

На первый взгляд, эти титанические усилия и очевидные успехи завершились в Одессе плачевно. Если в 1990-е продуктивно действовал центр современного искусства "Тирс", ассоциация "Новое искусство", "Центр современного искусства Сороса — Одесса", организации Уте Кильтер (под различными названиями), то сейчас в нашем городе нет ни одной институции, которая бы специализировалась в сфере *contemporary art* (разве что сезонное движение "артрейдеров" на Староконном рынке, инициированное И. Гусевым, который не шутя называет Ройтбурда своим учителем). Что такое современное визуальное искусство, понимают единицы — несравнимо меньшее число одесситов, нежели в предшествующее десятилетие.

Однако "бесследность" одесского феномена 90-х кажущаяся. Ничто не проходит бесследно. Можно говорить о том, что как культуртрегер Ройтбурд в Одессе опередил время лет на пятнадцать-двадцать. Но если не происходит таких "опережающих" экспериментов, время застывает на века. Именно Ройтбурд в качестве председателя правления "ЦСИ Сороса — Одесса" был инициатором переосмысления всей истории одесского искусства и дал импульс к сбору материалов, кото-

рый получил свое продолжение в издании сборника "Черный квадрат над Черным морем" (пусть и не в таком виде, каким хотел бы его видеть сам инициатор).

Именно Ройтбурд всемерно поддержал проект В. Беспрозванного, посвященный сбору материалов о поколении одесских концептуалистов. С результатами этого интереснейшего исследования сейчас можно ознакомиться, зайдя на сайт, материалы которого выложены оппонентами Ройтбурда уже после его отъезда из Одессы, в 2000-м году.

Что же касается книги "Портфолио", сборника материалов, описывающих современное искусство Одессы 1990-х, составителями которого были А. Ройтбурд и Е. Михайловская, то здесь уместно привести фрагмент недавно опубликованной статьи О. Сидора-Гибелинды, достаточно известного киевского арт-критика, кстати, отнюдь не комплиментарного по отношению к современному искусству вообще и к одесскому в частности:

"Мягкая обложка, черно-белые иллюстрации, гомеопатичный тираж (500 экземпляров), отсутствие даже части этих экземпляров в свободной продаже, все это должно было бы способствовать лишь ее маргинализации, если не полному забвению. Случилось, однако, "с точностью до наоборот". В Киеве эту книжку знают и помнят, а еще больше — цитируют, что для провинциального (верю сори, лишь констатирую факт) издания огромная редкость".

Значимость того, что было сделано Ройтбурдом в Одессе, сейчас признают не только его друзья, но и некоторые из его бывших оппонентов.

Что же изменилось в жизни самого Ройтбурда? Во-первых, сейчас нужно писать о нем не как об одесском, а как о киевском художнике. После не очень продолжительного пребывания в США Ройтбурд вернулся в Киев, стал директором киевской галереи Гельмана, в этом качестве выступил как один из учредителей акции "Культурный герой" в Одессе, был одним из членов инициативной группы создания в Киеве "Музея современного искусства для Украины" в "Мистецком Арсенале" (позднее реализовавшемся как "ПинчукАртЦентр", но

уже без административного участия Ройтбурда).

И вот уже на протяжении нескольких лет Ройтбурд — "свободный художник". В киевской прессе его называют уважительно "патриархом" или более фамильярно — "дедушкой" украинского постмодернизма.

Он участвует во многих выставках, хорошие галереи издают его каталоги, он востребован как художник, а его живопись становится все сочнее, мощнее и красивее. В этом году ушла из жизни его мама, и он решил не отмечать свой день рождения в Киеве. А открыть выставку в родном городе, Одессе. Точнее, даже две выставки — одну, более "музейную", — в музее, а вторую, как он сам говорит, "более локальный проект", из серии "Деликатесы", — в галерее Дымчука. Но, как это бывало и раньше, в одесском музее места для Ройтбурда не нашлось, и обе выставки открылись в NT-gallery.

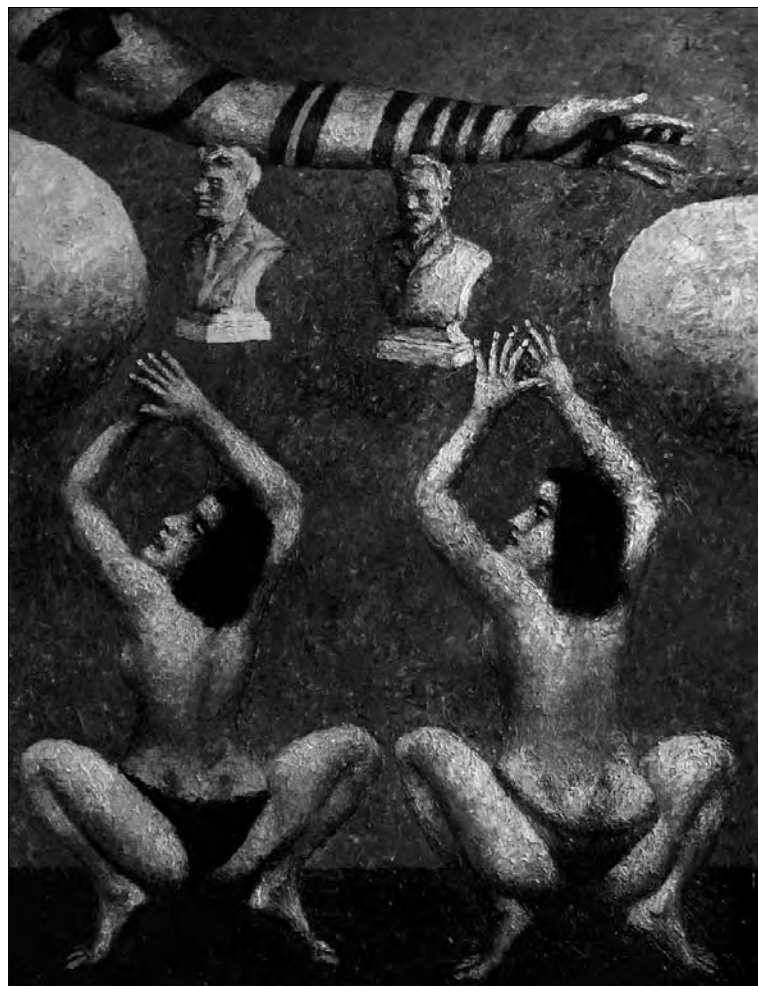
Накануне открытия ушел из жизни Юрий Егоров, один из немногих профессионалов старшего поколения, который всегда высоко оценивал творчество Ройтбурда. Для Ройтбурда же живопись Егорова всегда была одним из основных ценностных ориентиров. "Умер последний великий художник Одессы", — сказал Ройтбурд и посвятил его памяти свою персональную выставку живописи в нашем городе.

Так что же изменилось за прошедшие 16 лет? Почти ничего. Кризис 2009 года, как обещают экономисты и политологи, будет тяжелее не только Великой депрессии, но и нашего, местного, начала 1990-х. В отличие от середины 2000-х, отчасти проявляющих симптомы оживления современного искусства в Украине (точнее, в Киеве). В первую очередь, благодаря быстрому развитию художественного рынка, повышению количества и качества частных собирателей и галеристов. Виктор Пинчук вошел в мировую десятку наиболее влиятельных персоналий в области искусства.

Александр Ройтбурд признан как один из наиболее значительных художников Украины конца XX — начала XXI столетия. Хотел по привычке написать "художников Одессы", но уже не могу.

Бал в Фоли-Бержер. 2008 г.

Лунная ночь на Днепре. 2008 г.

Андрей КОМИСАРЕНКО

Ее глаза

Улица около Привоза в Одессе — "Привозная улица". Единственная, неповторимая. Моя улица Старой Одессы.

Что оставил я там полвека назад? Чем тянет, почему снится, снова и снова напоминает о себе?

Эти узкие грязные перепутанные уголья нищеты более всего дороги оттого, что здесь каждый большеглазый малыш — лучше всех, единственная надежда на спасение и устроенное будущее большой молчаливой семьи.

Раннее утро заявляет о себе отчаянным криком жены, летящим к небу и возвращающимся эхом. Или это все кричат об одном и том же?

Но, как и везде, жизнь идет по неизбежному кругу.

Умер старый еврей Иосиф Криворучка. Осталась пани Криворучка с дочкой Зосей. Как выжили? Слава Богу, как-то.

Тогда у многих не было определенных профессий, скорее, это были "занятия".

"Чем занимаетесь сегодня?"

Моя память набита словами и воспоминаниями, как спелый херсонский арбуз мелкими черными семечками.

"Перелицовка..." — не знаете, что это такое? Ну, и чудесно! Значит, и впрямь наступили хорошие времена. А тогда многие чем только не спасались.

Чужие дети растут быстро. В один прекрасный день новое легкое платье с особым шиком легло на тонкие плечи девушки. Зося рассмотрела себя всю в зеркале и рассмеялась. Необъяснимое неизведанное чувство счастья захватило, понесло, закружило ее. И в прекрасных восточных глазах девушки вспыхнули звезды.

Зося вышла на улицу, и мир покачнулся, увидев ее.

— Эге! — тотчас сказал старый цадик Ефром, вечно сидевший у ворот. — Мадам Криворучка таки имеет красивую дочку!

Зося улынулась ему и пошла по улице.

Но старый Фроим был единственным, кто правильно посмотрел на нее. И остался, увы, бесполезной, мертвой для нее планетой.

Мир бедняков опустил глаза и молился каждодневному богу мелких житейских забот. Худшее свойство бедности — ни вверх, к звездам, ни в завтрашний день.

Но чудо, однажды просияв, уже не смогло быстро исчезнуть.

Зося начинала привыкать к тому, что взгляды мужчин тяжело опускаются к ее груди. Краснела удушливой волной. Привычно опускала глаза, шла себе дальше. Так прошел год.

Но вот появился и заходил кругами жених для Зоси. К этому все быстро привыкли. И Зося привыкла — не то первой, не то последней.

— Ну что ж, — сказал ей Фроим. — Всему свой час и назначенное время. Скоро в нашем доме заиграет свадебная музыка.

— А что это будет за свадебная музыка? — спросила как-то дочь у матери.

— Ой! Это бывает только раз в жизни, в такой момент, когда нельзя отойти в сторону, сестра и хорошенько послушать.

Было приличное знакомство — *шидух*, помолвка — *эйрусин*. И тихая еврейская свадьба. Приготовили фаршированную шейку из потрошков, куриные котлетки, фрикадельки из мяса грудки и, конечно, форшмак.

На большой деревянной колоде во дворе рубили топором громадную камбалу — калкана. Разноцветные кошки сбегали, сели пестрым кружком. Терпеливо, деликатно ждут, пока им бросят кишочки. Только нет-нет, какой-нибудь нахальный кот подойдет к колоде, встанет на задние лапы, поднимет бесстрашную усатую морду и, закрыв от вос-

торга глаза, вдохнет неповторимый запах свежей морской рыбы.

Живет во мне неистребимое свойство многоречивых жителей Одессы — вставлять в обильные речи нечто конкретно-полезное. Так вот вам рецепт, чтобы сделалась хоть какая-то польза от рассказа.

Салат по — израильски:

Баклажаны испечь на живом огне. Это даст им вкус огня, что очень важно. Можно сделать и в духовке, но тогда пропадет ни с чем не сравнимый каленый вкус. Очищенную мякоть мелко порубить ножом. Смешать с нарезанными кубиками лука, добавить соль, чеснок, зелень, перец, уксус и растительное, лучше оливковое, масло, помидоры. "Два крупных баклажана, одна средняя луковица".

И когда еще поймете такую важность — "средняя луковица", и "притрусить зеленью петрушки"?

Масло, как и лимон, нужно не наливать, потом перемешать, а — "попрызгать". Как? А так, как у Айвазовского, который у нас в Одессе однажды за час морскую картину изобразил. А потом кисть в бадейку с красками обмакнул и через трость на картину ударил. Она и заиграла всеми красками.

Овощи нужно покупать непременно утром, пока жара их не сморила, а знающие люди не повыбирали лучшие. Какие? Первая заповедь — на самом последнем месте баклажанчик (здесь уместно это словечко) — овощ хилый, тонкий, не имеющий в себе ни зернистого мяса, ни радости. Отметается сразу. Хорошо вызревший пузатый темно-синий бочонок — хорошо. Но только если нарезать кольцами, вымочить в соленой холодной воде и сделать какой-нибудь соус с молодой картошечкой, с укропчиком. Но это не сейчас, не к свадьбе.

А вот есть редкие замечательные экземпляры. Упитанные, на солнце блестящие, вытянувшиеся во всю длину на деревянном базарном прилавке. Они-то нам и нужны. У них есть чем полежать на сковороде, когда их жарят на металлическом листе, переворачивают, придерживая за хвостик.

Есть еще маринованные "синие". Со вспоротым брюшком, набитым морковкой, перевязанные по поясу сельдереем и петрушкой, стоявшие под гнетом — деревянным кружком, утяжеленным приличным по весу булыжным камнем. Но это — зимняя еда.

Баклажаны для нас — "синенькие", масло — "провансальское", фаршированная потрошками и охлажденная в погребке нежная птичья шейка — "галантин".

Думаете: "Какая разница, раз рецепт тот же самый?"

— Ну конечно, вы очень умный человек, в Одессе, скорее всего, не были, а если были, так "проездом", что с вами спорить!

— Вот раскричались, так разволновались, что за галстук схватились.

— Проездом? Нет там у вас никакого проезда? — географический, железнодорожный тупик!

— Да! Но Одесса — не только город, а уже много лет — целая философия. Целая, законченная, почти закончившаяся.

— Ай-ай-ай! Беда! Рельсы закончились!

— Вот вам — Бог, а вот порог. Конеч-то конец, но и начало, или, если господа тотчас пожелают, пожалуйста — той же дорогой в обратную сторону.

Лучшее, неотъемное из того, что у нас есть, — продолжение пути, горизонт, море.

А еще нормально — на Привоз. Вот он, совсем рядом, за железнодорожным вокзалом.

Тогда, поздней осенью 44-го, мы — "пассажиры" товарного поезда —

ночью прибыли в Одессу. Днем-то шли важные литерные поезда.

Ночевать на вокзалах было запрещено. Да и вокзала не было. Только военная комендатура и небольшая освещенный охраняемый ночью пятачок изрытой бомбами мостовой.

Совещались. Разделились на три группы. Как на войне — "Центр — Лево — Право". Самая большая группа — "Центр" — двинулась прямо по Пушкинской. Через короткое время долетели отчаянные крики: "Ратуйте!". Опергруппа на машине сорвалась и полетела в темноту.

А мы рванули на Привоз, Привозную, 12. Добежали. Тяжелыми бухающими ударами (колотили все — взрослые и дети) разбудили дворника. Долго выясняли — кто, откуда, к кому. Подняли на ноги весь двор. Наконец, добрались, дополнили, попадали на веранде. Отдыхались у своих. Отогрелись, отмылись. Повалились спать на полу.

Утром обнаружилась пропажа небольшого мешочка с чесноком и сухим черносливом. Окна и дверь остались закрытыми. Однозначно — "свои".

— Прости им, Господи! — сказала тогда тетя Феня. — Значит, это им сейчас нужно больше, чем нам.

Было время. И свадьба была. Без свадьбы — откуда дети?

Столы поставили прямо во дворе. Весь двор внимательно смотрит из окон. Но никто, кроме приглашенных помочь, не выходит — не прилично.

Готовить в такой день — большая честь и ответственность. И много крика. Гвалт. Но без всего этого — как Привоз без "поговорить и поторговаться".

Еврейки долго выясняют отношения в таком важном деле. Что да, так да, поговорить и приготовить — у нас это все любят, а потому умеют. Но безусловную правоту немедленно признают. Это для вас простой вопрос — как сварить куриц, если их не то что мало, но должно хватить на всех. Ну, пусть не на всех, на свадьбу — точно.

Экономное было время. Не то что продукты, каждое слово берегли.

Когда человек, пусть даже давленный, полупридушенный жизнью еврей, чувствует, что за ним следят, он начинает наблюдать за теми, кто за ним следит. Эпидемия взаимного наблюдения и подозрения распространяется, как чума, как лесной пожар.

В те времена, бывало, — встретились два еврея, открыто поговорили — и вот нет обоих. Сгинули без права переплести.

Им, господам новорежимным, без фотографий "три на четыре" для прописки в паспортах — никак. Ну, и терпели одесские "фотоателье": "Мальчик! Улыбнись, смотри сюда, вылетит здесь". Резкая вспышка магия. Если кто-то ныл: "А где птичка?" — спокойный ответ: "Была, но ты закрыл глаза, она и улетела. Приходи завтра".

"Смотри сюда, вылетит здесь..."

Сколько лет прошло! Где ты, птичка?

Как пережили те годы? Да очень просто — спасло солнце, море и женская красота. В те времена невест послевоенных было, как рыбы в море осенью. Не таких упитанных, как хотелось бы всем мамам, но все-таки. Смею высказать общепринятое суждение: "Одесситка — как дунайская селедочка, должна быть средних размеров. Вкусно-полненькой, а главное, свежей и малосольной. Пусть скандальной, как же без этого, но не скандалисткой на всю улицу".

— Плохо сказано? Ну что с вас, господин с красивым галстуком, взять?

Тогда, в те времена, мы научились экономить не только соль, спички, но и слова.

Ну, и наэкономили.

Так вот, было мнение: для бульона пониженной крепости залить мясо (курицу) не холодной водой, а крутым кипятком. Ну, а если холодной водой, так больше пользы уйдет в бульон и меньше в угощение.

И тут выступила мадам тетя Грета с Греческой улицы. А Греческая улица, чтоб вы, наконец, узнали, — уважаемый центр Одессы. Идет от Рильевской вниз и соприкасается с Дерибасовской через круглую Греческую площадь. Тетя Грета была не гречанка, армянка, но главное, умная женщина, так она правильно сказала:

— Давайте сварим, как получится. В куриный бульон покидаем рыбу, добавим лавровый листик. Положим в уху ломтиками болгарские желто-оранжевые перцы и нарезанные крестообразно с одной стороны помидоры, репчатый лучок, дольем молодого белого вина, пару картошечек кинем, лимончик кружочками — и пусть себе стоит в запасе, настаивается. Завтра — тоже день. Молодые проснутся. Мы придем, и продолжится праздник.

И было так.

Ну, у них во дворе — проблемы, а в квартирке № 8, у мадам Гурвиц, — тоже дела. Мы, соседи, — как родственники. И для нас — это не просто еще один радостный день в настенном календарике. Потому было заказано платье — легкий крепдешиновый шик. Сегодня оно, наконец, готово. И мадам Гурвиц вся в нем. Выдохнуть она может, а вот вдохнуть, тем более поесть, покушать, так нет, некуда — нет свободного объема.

— Сонечка? — нежным голосом спрашивает она у модистки. — Ну и как это называется, как вы это называете?

— А что? Я при чем, мадам? Две недели назад все было впору.

— Какую такую "впору"? В ту пору? Я же изо всех сил волнуюсь за нашу бедную девочку, а когда это со мной так, должна хорошо покушать хотя бы четыре раза на день. Так давайте срочный выход!

Бедная бледная от переживаний Соня думает не о выходе из положения, об убытках репутации, напрягается и, наконец, говорит:

— Ах, не волнуйтесь, мадам Гурвиц, мы немедленно поставим напротив талии шпук семь пуговичек, и по ходу дела вы будете их расстегивать и давать облегчение фигуре. Даже танцевать сможете. А потом когда-нибудь, если вдруг похудеете, — носите платье на здоровье.

— А чем прикрыть пуговички? — подозрительно спрашивает мадам.

— Да чем угодно, ну хоть бы кофточкой.

— Ну нет! — ярится заказчица, гордо оглядывая декольте.

— А вот другой вариант. Широкий пояс и кнопки, мадам. Кнопки, если что, сами отлетят. А еще лучше клинши по бокам вставить.

Ну вот, какой-никакой выход найден. Сонечка прикидывает по ширине своей ладошки клинши с запасом и начинает переделку, а мадам Гурвиц упиливает на кухню.

"Кухня"! Ну, это громко сказано, для чужих. Для своих — закуток с примусом на деревянной веранде. И тотчас по комнатке разносятся ароматы еврейской кулинарии.

— Мадам! — всхлипывает модистка. — Умоляю, ничего до вечера. Еще одной переделки ваше платье точно не выдержит.

— Ну что ты, Сонечка! Я от мамы, себя и мужа Марика к свадьбе с утра делаю подарок — пирожки с ливером: гусиные потрошки, лук, чеснок, шварки и два раза пропустить через мясорубку со средней решеткой. На пределе возможного минимума применяю для хрустящей оболочки дрожжевое тесто. Это — да, без теста не обойтись, — но умоляю, чтоб рецепт не был окончательно и навсегда забыт, — теста, как сумеете, меньше. Мука вам пригодится на осень — скумбрию жарить. Итак, пожарить пирожки на высокой чугунной сковороде — и к куриному бульончику.

Берете, милая, пирожок. Непременно разломить пополам. Сделать вдох и... ну, как? Сейчас Марик явится с топливной лавки. И мы начнем собираться. Ах, как я волнуюсь за нашу девочку! Я же ее вот с таких пор помню.

Мадам опускает руку ниже талии, склоняет голову, чтобы получше разглядеть, с каких именно пор. Из-за

пышных не в меру форм ничего увидеть не может, отправляется жарить пирожки и пробовать, пробовать.

В Одессе всегда так: мы дополнительно питаемся в двух случаях — когда все хорошо и когда не очень.

А тем временем у свадьбы свой безостановочный ход.

Послали кабриолет за равнином из синагоги на Преображенской.

Суббота перед свадьбой — *Шаббос кала* ("Суббота невесты").

Еврейская свадьба. Хупа. День свадьбы.

Жених разбил свадебный бокал с остатками вина в память разрушенного Храма и вечного неповторимого семейного союза. Нескольких красных каплей попали на белое свадебное платье. Зося испугалась, сжалась изнутри. Но виду не показала. Еврейская женщина должна быть сильной. Как жены в пустыне все сорок лет скитаний. И браку быть столько же.

Никакого строгого деления на женскую и мужскую половины не было. Мужчины собрались на одной стороне столов, женщины и дети — на другой.

Для начала потчевали вином и сластями, затем подавались легкие закуски, бульоны и супы, потом рыбные блюда, а следом все, что получилось из мяса и птицы. Пили сладкое вино. Ели рыбу-фиш. Играли скрипки, бубен, немножко танцевали в кругу, взявшись за руки.

Когда пришла ночь, и громадная луна заглянула в квадрат двора, лампы прикрутили, сняли шляпы, задрав бороды, молча смотрели из дворового колодца в небо. Как дети Моисеевы. Тогда — бескрайние пески и огромное небо. Теперь — асфальт и водная чужанья колонка. И кто знает, какой путь к Красному морю, на Родину.

Раввин сказал слова раби Моше Исселеса: "Настоящая еврейская свадебная церемония должна проводиться под звездами, чтобы отразить пожелание "многих детей, ярких, словно звезды".

Прошел еще год. А потом пошли дети.

И никто больше не вспоминал, какой красавицей ходила Зося Криворучка. Зося понимала, что было в ней что-то, отданное задаром, но что именно, — не знала. Все это от той же бедности — неподъемный труд отцов, такой, что глаз от портовой машинки или строительной тачки не оторвать. Судьба матерей, вечно что-то стирающих, прячущих для просушки на верандах, подальше от глаз соседок вконец застиранное серое белье.

А еще — приходилось изворачиваться, готовить супчики. Кормить детей и мужа, чтобы и у него были силы всех нас любить, с этим чувством вставать до рассвета и работать. Без него, родимого, как?

В этом обыденном жизненном повторении никто никогда не скажет, не признается, не шепнет на ушко: "Крохотная рыжая солнечная завитушка на любимой шейке похожа на золотую морскую ракушку...". Не сядет за стол в маленькой татарской харчевне на набережной Аркадии. Потом, когда молодым зубным аппетитом с горкой горячих чебуреков будет покончено так, что останется только один, медленно взяв его за уголки и подняв за уголки над столом еще теплый треугольник, не признается: вот он — парус нашей лодочки, и она сама — блюдце-тарелочка.

В отчаянном рывке протанутый крохотный кулачок. Рука, накрывшая его, как мелкую пойманную птичку. Бешеной скорости биение сердец. Мгновенное успокоение. Огромный удар волны в бережные камни.

Чебурек торжественно заворачивается в треугольные белые салфетки. Смех: "Как последнее письмо с фронта".

Радостный ход босых ног нагретыми деревянными досками пирса. Чайки. Куски еще теплого мясного теста подбрасываются в воздух. Ненасытные птицы непостижимым усилием ловят их в солнечном небе. Минута. Все кончено.

"Парус, будущее, горизонт".

Что-то вот только сейчас как будто было, теперь нет ничего. Никто никуда не поедет, не побежит, не полетит, не поплывет. Блюдечко оказалось ситечком.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

«ПРОЗРЕВАЮ В СЕБЕ ЕВРЕЯ»

ЗАМЕТКИ О ДАВИДЕ ТИХОЛУЗЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Давно меня занимал вопрос, на который я искал убедительный ответ. Известно, что Одесса дала миру многих прославленных писателей, музыкантов, художников. Город всегда был многонациональным, и в этом смешении этносов более столетия треть его жителей составляли евреи. И в литературе, родившейся в Одессе, "еврейская нота" (образ, возникший как отзвук "парижской ноты") звучала уверенно и мощно, достаточно вспомнить Владимира (Зеева) Жаботинского, Хаима-Нахмана Бялика, Исаака Бабеля, Эдуарда Багрицкого, наконец. Тем более в музыке — Петр Столярский, Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Натан Мильштейн, Леонид Утесов...

А в живописи?

Конечно же, среди художников Одессы, начиная с 19-го, по 21-й век было много евреев. Но и Леонид Пастернак, и Соломон Кишиневский, и Юлий Бершадский в конце 19-го века — начале 20-го развивали традиции и русских художников-передвижников, и южнорусской художественной школы. Авангардисты, замечательные мастера

Теодил Фраерман, Амшей Нюренберг, Михаил Гершенфельд творили "новую утопию", оплодотворенную французским опытом, без оглядки на национальные корни. И только во второй половине XX века художники, обожженные трагедией Холокоста, словно начали прозревать...

Сразу же в памяти возникают два имени — Ефим Ладыженский и Иосиф Островский. Если первый, довольно рано покинувший Одессу, уже оглядываясь на нее и свое прошлое, в Москве, а потом в Израиле создал живописный миф о еврейско-бабелевской Одессе, то Иосиф Островский силой генной памяти вызвал к жизни "тени забытых предков", сотворил чудо возвращения в нашу повседневность цадиков и раввинов, людей Книги из еврейских местечек. Тематически их картины, как и ряд работ Люсьена Дюльфана, Зои Ивницкой, Юлии Гальперина, Иосифа Климана, были открытием духовной жизни этноса — еврейской составляющей Одессы. Именно тематически! А вот пластически — все та же верность универсальному космополитическому мироощущению всей современной мировой культуры.

И тут, мне показалось, я нашел ответ на вопрос, занимавший меня. Универсальность и космополитичность! Одесситы все 215 лет существования города ощущали себя гражданами мира. Европа преумножилась Одессой даже в составе Российской империи, даже в составе Советского Союза. Идея ассимиляции здесь стала фундаментом здания, имя которому — Одесса... Отсюда и интернациональный художественный язык: импрессионизм как высшее достижение южнорусской школы, плоскостной кубизм, а затем и абстракция — курс наших авангардистов и неоавангардистов...

Так что же, третьего не дано? Исподволь, незаметно, в 19-м и даже в 20-м веке торили свою дорожку художники "еврейской ноты". Можно назвать имена Моисея Черешни, Юрия Зильберберга. Но, пожалуй, самым ярким открытием для меня стали картины художника Давида Тихолуза. Именно о нем можно с уверенностью произнести строку честнейшего и талантливейшего поэта военных и послевоенных лет Бориса Слуцкого — "прозреваю в себе еврея".

А впрочем, чтобы лучше понять живопись Давида Тихолуза, следует целиком прочесть это стихотворение.

*Созреваю или старею,
Прозреваю в себе еврея.
Я-то думал, что я пробился,
Я-то думал, что я прорвался.
Не пробился я, а разбился,
Не прорвался я, а сорвался.
Я, шагнувший ногою одною
То ли в подданство,
То ли в гражданство,
Возвращаюсь*

*в безродье родное,
Возвращаюсь
из точки в пространство.*

Вот это ощущение, точно сформулированное в предпоследней строке, объединившей противоречие — "возвращаюсь в безродье родное", и определяет мое восприятие всех работ Давида Тихолуза — будь то пейзажи Одессы, портреты и автопортреты, обнаженные подружки и натюрморты. Всё это открытая, кровоточащая душа. Душа, а не плоть. И во всех этих работах крик обездоленного человека.

У каждого своя биография. Но, пожалуй, никто с такой почти детской непосредственностью не раскрывает, не распаивает, как Давид Тихолуз. На многих своих работах (одна из них и сейчас передо мной, когда я пишу эти строки) на обороте картона, холста, бумаги он пишет: *одессит, художник, еврей*. И в этой триаде уже многое о нем сказано. А если подробнее...

Давид Наумович Тихолуз родился в Одессе в 1955 году. Поступил в Одесское художественное училище со сложившимися эстетическими предпочтениями. Еще многого не умел, но точно знал, чего хотел. Воспитывал его дядя, художник одесского Худфонда Блудберг, не реализовавший свое творческое предназначение, и поэтому всего себя отдавший воспитанию в племяннике художника. Тогда, в семидесятые годы, доказывать право на свое видение мира в Одесском художественном училище было трудно. Художница Светлана Крижевская вспоминает, каким был Давид Тихолуз в училище. Всегда вроде бы отстраненный от реальной жизни, напряженный, кажущийся нескладным. Но все это исчезало, когда он подходил к холсту. Появлялась уверенность, собранность, улыбка на лице. И результат — яркая, выразительная живопись...

Но были педагоги, которые понимали, что Давид (Додик, как в Одессе было принято называть всех Давидов) — отличный живописец. И именно благодаря таким художникам, как Юрий Коваленко, Владимир Криштопенко, студент Давид Тихолуз получил диплом. Значил ли он что-либо в его жизни? Скорее, нет. Он как был, так и остался художником андерграунда. И лишь

в последние годы новое поколение коллекционеров обратило внимание на его живописные работы.

Озарение и сегодня не покидает Тихолуза у холста. Он погружается в свои мысли, свои переживания, свое понимание красоты и создает экспрессивный, чувственный мир. Мир, полный тревоги. Он пишет "на разрыв аорты". Густой замес его палитры, порою экзотическое движение мазка словно пытаются сохранить, спасти в предчувствии катастрофы от "гибели всерьез", словно уносимые ветром деревья и цветы, милые его сердцу покосившиеся дома тихих будничных улиц, прекрасную и в своей незащищенности человеческую плоть. Остановить этот всепожирающий вихрь, смерч уничтожения кончиком своей кисти, сохранить этот прекрасный и беззащитный мир — нет, кажется, для Давида Тихолуза иной миссии, иного предназначения художника. Уже не пепел Клааса, а пепел Холокоста стучит ему в сердце...

Можно много говорить о национальной ментальности. Но, думаю, еврейский дух точнее всего передал художник-экспрессионист Хаим Сутин. Признание к нему пришло довольно поздно. Его картины отпугивали многих современников. Если Шагал был гениальным визионером, сказочником, с картинами которого было комфортно жить в ностальгической тоске по уходящему миру еврейского местечка, то Сутин был гениальным трагиком, заглянувшим в бездны ада. Перед смертью Амедео Модильяни "завещал" коллекционеру Леопольду Эбровскому бережечь Хаима Сутина. Для нашего поколения этого художника вновь открыл Илья Эренбург. Вот и Давид Тихолуз смог приблизиться к творчеству великого художника, пусть опосредованно, в репродукциях, но все же "услышать" этот трагический голос. Не об этом ли писал в посвящении Хаиму Сутину Булат Окуджава:

*То ли мед, то ли горькая чаша,
То ли адский огонь, то ли храм,
Все, что было его, — ныне ваше.
Все для Вас. Посвящается Вам.*

Именно как завещание 20-го века воспринял Давид Тихолуз искусство Хаима Сутина. Это было искусство для него. В нем он читал и свою жизнь, и свою судьбу, и жизнь своего народа. Нет, он не подражает Хаиму Сутину. Думаю, что это и невозможно.

Не подражает, а продолжает. И это определило его путь. Ведь и он видел жестокость жизни. Об этой жестокости и кричат его произведения. Совсем не обязательно, как Эдвард Мунк в одной из самых своих знаменитых картин "Крик", показывать кричащее лицо женщины — кричать могут улочки нашего города, натурщицы, стыдящиеся своего тела, цветы, вырванные из земли.

Давид Тихолуз — художник стихий. Он ощущает, как ветер ломает устои жизни, он в каждой картине не рассказывает историю чьей-то судьбы, а скорее, предупреждает, что если век двадцатый был железным, то век двадцать первый может стать опять каменным.

Сутин рассказывал Модильяни, что с ним по ночам беседует Веласкес. Кто беседует по ночам с Давидом Тихолузом? Рембрандт? Сутин? Во всяком случае, перед лицом таких собеседников возникает нетерпимость к малейшей фальши, к картинной красивости.

Меняется время. А со временем меняемся и мы. И сегодня я могу сказать, что Одесса дала миру не только художников греческой, русской, украинской, но и еврейской ноты.

Не будем перечислять имена ушедших. Среди нас живет, находится в расцвете творческих сил одесский экспрессионист Давид Тихолуз.

4 ноября 2008 года известному одесскому конференсье, артисту эстрады Аркадию Савельевичу Астахову исполнилось бы 100 лет...

Какой одессит не артист разговорного жанра? Но чтобы в этом число одесском занятии стать одним из первых, действительно нужно было

Георгий ГОЛУБЕНКО,
Леонид СУЩЕНКО,
Валерий ХАИТ

МОНОЛОГ ОДЕССКОГО КОНФЕРАНСЬЕ

(Из юбилейной программы Аркадия Астахова
"Полвека на эстраде")

А. АСТАХОВ: Пока следующий артист готовится к своему выступлению, возникла пауза. А паузы в концерте, как известно, заполняет конференсье. Я, например, делаю это уже пятьдесят лет. Что вам сказать? За эти годы на эстраде многое изменилось. Причем кое-что даже к лучшему.

Взять, скажем, электрификацию всей страны. Какое отношение это имеет к эстраде? Сейчас поймете.

Например, о чем спрашивал раньше, ну, скажем, эстрадный певец перед концертом? Он спрашивал, какая сегодня в зале публика? Какие песни она предпочитает?

А что он в первую очередь спрашивает сегодня?

— Какое у вас тут напряжение?

«ПОЛВЕКА НА ЭСТРАДЕ, СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН РАДИ...»

иметь талант. Именно таким талантом и обладал в полной мере Аркадий Астахов.

Причем он нравился всем. И тем, кто предпочитал так называемую одесскую экзотику в ее чуть ли не первозданном виде, — я имею в виду часто исполняемые артистом куплеты "У нас в Одессе это не едят..." — и тем, кто любил легкий, но в то же время элегантный одесский юмор, — я имею в виду участие Астахова в знаменитых одесских капустниках. Открытость хорошему вкусу, думаю, шла у него от дружбы с такими корифеями театра и эстрады, как Леонид Утесов, Аркадий Райкин, Зиновий Гердт; работа со Жванецким, Карцевым и Ильченко.

Мне вместе с моими друзьями и соавторами Георгием Голубенко и Леонидом Сущенко посчастливи-

лось в начале 80-х работать с Астаховым. Он был директором, или, как говорили тогда, бригадиром нашей эстрадной группы, выступавшей с литературной программой, носившей самоуверенное и легкомысленное название "Улыбки Одессы".

Мы объездили с ним почти всю страну — от Бреста до Новокузнецка, от Ульяновска до Нальчика. Помнится, вместе с Аркадием Савельевичем мы дали свыше пятисот концертов, причем не было случая, чтобы залы не были полны под завязку. И не потому, что мы были так уж знамениты, — успехи одесситов в КВНе уже давно отошли в прошлое, просто на афише стояло слово *Одесса*, а этого во все времена было вполне достаточно, чтобы, как минимум, собрать публику. Правда, то, что публика так же энергично ломилась и на вторые,

и на третьи концерты в одном городе, была заслуга не только наша, но и, конечно, Аркадия Астахова.

Эти наши совместные поездки, эти нескончаемые истории "от Астахова" забыть невозможно. Много вошло со временем в наши тексты, в воспоминания, в устные рассказы.

Сейчас же я хочу привести один монолог, который вошел в программу, написанную нами для замечательного артиста и нашего доброго друга ко дню его 75-летия. В нем Аркадий Савельевич такой, каким мы себе его тогда представляли, и каким мы помним его до сих пор.

Но перед этим две цитаты. Одна из самого Аркадия Савельевича. Как-то посмеиваясь над тем, что я перед каждым концертом страшно волнуюсь, он сказал: "Хаит так часто

волнуется, что делает это уже совершенно спокойно". И вторая цитата — слова народного артиста СССР главного режиссера Свердловского театра музыкальной комедии Владимира Курочкина (в его театре впервые увидела свет наша первая пьеса "Старые дома"). Когда мы ему рассказали об Астахове, он сказал: "Как же, как же, я его отлично помню: он был первым во втором эшелоне". Ничего обидного для нашего друга и наставника мы в этой фразе не услышали. Да, он не был маршалом эстрады, но он был ее полным генералом — первым среди тех, кто на необозримых российских просторах в течение десятков лет творил свое веселое и доброе дело...

А теперь обещанное.

Валерий ХАИТ.

Такое впечатление, что вечером он собирается выйти на сцену не петь, а побриться!

Я понимаю, что не открываю никаких америк. Уже много говорили и спорили о так называемых "микрофонных" певцах. Хорошо это или плохо? Меня интересует другое: почему раньше этот вопрос как-то не возникал? Ну ладно, не было микрофонов. Но другие же звукоусиливающие приспособления были?! Например, рупор! Но почему-то никому и в голову не приходило выйти на сцену с рупором! Как-то люди понимали, что если у тебя нет голоса, то стоит ли об этом так громко кричать?! А сейчас это почему-то никого не смущает...

Ну ладно, если такой певец выступает один. А если их кричит, или, как сейчас говорят, поет целый вокально-инструментальный ансамбль?!

А если у них еще и ударник, так сказать, с хорошо поставленным ударом?!

Ну бог с ними, с нашими барабанными перепонками! В конце концов, мы прошли войну и слышали и не такую канонаду!

Но это даже экономически невыгодно!

Вы знаете, сколько электричества расходует один такой ансамбль ну, скажем, за год? Уму непостижимо! А их же много! Представляете?!

Это же никакие великие реки Сибири не справятся!..

Теперь возьмем артистов разговорного жанра. Тут свои проблемы.

Но с чем у нас сегодня хорошо, так это с пародистами-имитаторами.

Нет, действительно, подражают многие, подражают удачно. Но вы знаете, я заметил странную закономерность: чем больше артистов-подражателей, тем меньше артистов, которым действительно хочется подражать!..

Что же касается нас, конференсье, то нас действительно осталось совсем мало. Это когда-то у нас в Одессе, как говорится, бросишь камень — попадешь в конференсье! Должен вам сказать, что этим пользовались. И бросали, и попадали. Причем довольно часто. И вот результат. Конференсье стали представителями вымирающей профессии.

Что ж, от правды не уйдешь. Конференсье действительно вымирают. Как мамонты. Я один из последних. Да, может быть, мы сегодня уже не нужны.

Что ж, в чем-то мы и сами виноваты. Наверно, мы слишком долго пытались поднять зрителя до своего уровня и как-то пропустили момент, когда уже нужно было начать делать наоборот!..

Но, кстати о мамонтах!

Сперва тоже казалось, что они никому не нужны. Но стоило им исчезнуть, как челове-

чество тут же схватилось за голову: "Где наши мамонты?! Почему мы их не видим?! Нам без них скучно!..."

А вдруг так же получится и с конференсье?..

В общем, что я предлагаю? Сейчас, по слухам, существует такая "Красная книга". Туда записывают всех, кого на Земле осталось мало. Вот недавно белых лебедей записали. Теперь они жильем обеспечены, кормом... А что если записать в эту книгу конференсье?! Нет! Не ради жилья и корма, конечно, птицы не такого полета!.. Но хотя бы такое, как к енотовидным собакам, мы, по моему, все-таки заслуживаем!..

Да, пятьдесят лет я провел на эстраде. И теперь меня иногда спрашивают: "Ну и что? Что вам дала эта эстрада? Вы не стали ни заслуженным, ни народным!..". Что ж, это правда. Но я думаю так: что лучше заслуженно не быть заслуженным, чем незаслуженно быть народным... И вообще, разве вопрос в том, что дала мне эстрада? Вопрос в том, что я ей дал. А точнее, вам — моим зрителям. И если это все-таки произошло, если за пятьдесят лет я все же доставил вам в сумме хотя бы несколько часов радости, значит, мне удалось не так уж мало!..

Алена ЩЕРБАКОВА ЗАПИСИ С БЕЗЫМЯННОГО ОСТРОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Острову Крым

Вот и рай — ни земли, ни пыли,
Корабли, корабли кругом,
Весла ветра, что не остыли,
Парус неба от бурь не гол.
То ли берег от верст качало,
То ли взорван причал тишиной,
Только день, как слова, нечаян,
Рвет, встречая, канаты снов;
Тянет воздух, знанием обжит,
Не объявлен и не изъят.
То ли здесь поселилась без кожи
Неотступная тень моя,
То ли кто-то бредет, узнавая,
Рассекая не прерванный знак,
Расставаясь сто раз и встречаясь
Сам с собою в ветрах-зеркала.
Город-бухта из камня и крыльев,
Город-пристань для Никого,
Утаи мою боль под мантилью
Затонувших фрегатов-Львов.

О ТЕБЕ

Это море здесь говорит
о тебе, любимый.
Сотни тысяч волн
вздывают зеленый залив,
Как встревоженный зверь,
как этажи верлибров...

Исколот мне сердце
лунный осколок прилива.
Это мне кипарисы
вышептывают моленье,
Серебро с их плечей
мои украшают губы,
Заблудившийся голос
в ночи олений —
В лете тающем,
круто идущем на убыль...
Только море здесь
все насыщает сонность
И стоюстой воспоминанья
о дивном, о донном,
О песках золотых,
оцелованных тишиною,
Корабельных срубках
последнего Ноя;
И о чем-то,
как сердце древнем и мгlistом,
Одинокого зверя —
подводного альпиниста.

КАК БОЛЬ

Скажи мне "чудо" на эльфийском,
На киммерийском спой со мной,
Ты подошел ко мне так близко,
Как боль.
У музыки есть литорали
И горизонты, и пароли,
И явственность ее деталей
На нашем теле, как кораллы,

Как жемчуга, как цвета блики...
Скажи "люблю"
мне на эльфийском,
Ты так сыграл меня, что близко...
Мы как Улиссы.
Скажи мне "море"... — алой стаей
Взметнется странствий
небывалость,
Окрасив северную наледь.
Ты так любил меня, что встанем
И небо разольем в бокалы...

ПРИЗНАНИЕ

Египтянин, шаман и мистик,
Профиль твой — украшение монет,
Ты хранитель музыки чистой —
У меня и монеты нет,
А не то что для переправы,
Потому как жесток наш рок,
Ибо тот и есть богоравный,
Не в отечестве, не пророк.

Ты алхимик и зверь, и ангел,
Живописец, тореро, корсар,
Мы танцуем фатальное танго
На эпохах и мертвецах.

Официанты разносят мусор
По музеям и проводам.
"Много знания — многая грусти", —
Аксиому философ дал.

Обитатель, вождь Атлантиды,
У тебя, видно, горький дар...
Я планидам тебя не выдам,
Я же песней тебе воздам.

Я готова стать тебе нотой,
Прозвучавшей наверняка,
Оглянувшись, как спутница Лота
Соляным изваяньем стиха.

БЕС СНА

Скорее не сумрак,
а тени с плечей океанов
Стекают, холодные, длинные,
острые тени бродячего утра,
Абстрактные улицы
перечеркнувший туман
Вползает под брюки и куртку.
Здесь все обступило молчаньем
и дрожью камней,
Закованных в плоти домов
или в готику плоти,
Ничто так не вводит в тоску,
как скольжение теней,
И ночь на излете.
И Муза печальна,
и точно пугливая лань,
Мне руки уже не кладет
и на плечи,
Когда-то ее убавкою в славе,
сорвавши гортань,
Но и не сорвавши — не легче.

СКАЗКА

Духи глубокого леса,
Прочные Первозвери —
В дупле, и вдыхают Дерево,
И Первозверям весело;
Прелью грибной согреты,
Они от нас всего в метре... Но!
Оне затаились качественно —
Звери знаю как прячутся!
Золотой паутинный верлок,
Сказывает старинное, —
Поводом для картины
Зреющему невинное.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса"
(тел. 372-572).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N 88.
Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел. 725-45-67,
725-53-68
www.odessitclub.org.